Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Kama Institute of Humanitarian and Engineering Technologies
Penza State Technological University
Belarusian State Academy of Music
Tashkent Islamic University
New Bulgarian University

TRADITIONAL AND MODERN CULTURE: HISTORY, ACTUAL SITUATION, PROSPECTS

Materials of the VII international scientific conference
on September 20–21, 2017

Prague
2017

Traditional and modern culture: history, actual situation, prospects: materials of the VII international scientific conference on September 20–21, 2017. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2017. – 70 p. – ISBN 978-80-7526-221-9

ORGANISING COMMITTEE:

Sergey N. Volkov, doctor of philosophy, professor, head of philosophy department in Penza State Technological University.

Nataliya Khristova, doctor of history, associate professor on the theory and history of culture of the art studies and history of culture department in the New Bulgarian University.

Nicholay V. Mityukov, doctor of technical sciences, professor Kama Institute of Humanities and engineering technologies.

Nikolay V. Shimanskiy, candidate of art studies, assistant professor of the theory of music department in the Belarusian State Academy of Music.

Boris A. Doroshin, candidate of historical sciences, assistant professor of the philosophy department of Penza State Technological University.

Umidjon R. Kushaev, PhD, senior researcher applicant of Tashkent Islamic University.

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines traditional and modern culture. Some articles deal with ethical and environmental aspects of culture. A number of articles are covered a game and game culture. Some articles are devoted to reflection of the different art forms in modern culture. Authors are also interested in cross-cultural communication and issues of interaction of cultures in a globalizing world.

UDC 008

ISBN 978-80-7526-221-9

The edition is included into Russian Science Citation Index.

© Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2017.
© Group of authors, 2017.

CONTENTS

I. CULTURE: CONCEPT, THEORY, HISTORY RESEARCH

Крыкова И. В.
К вопросу о значении символов в культуре и искусстве
(на примере символики глаза) 6

II. ETHICAL AND ENVIRONMENTAL ASPECTS OF CULTURE

Блягоз Н. Ш., Куприна Н. К.
Экологическая культура – системообразующий фактор общей культуры:
актуальное положение..... 16

Жумагулов М. Ж., Карабукаев К. Ш.
Экологическое знание как важный элемент экологической культуры..... 20

III. CULTURAL POLICY, MANAGEMENT AND MARKETING CULTURE

Фролов Д. А.
История создания национальной библиотеки г. Верхнеудинска
(г. Улан-Удэ) 1881–1905 гг. 25

IV. THE GAME AND GAME CULTURE, PAST AND PRESENT

Жигальская М. Н.
Дворовая игра как социальная форма обучения лиц с особенностями
психофизического развития..... 30

Куприна Н. К., Блягоз Н. Ш., Басте А. К., Блягоз Р. К.
Воспитательный потенциал игровой культуры адыгов..... 32

V. POPULAR CULTURE, COUNTERCULTURE AND SUBCULTURE: GENERAL AND SPECIAL

Груздев А. А.
Корейская массовая культура 1960-х и 1970-х годов:
краткая характеристика и пионеры корейского рока
Син Чжунхён и Ким Хонтхак.....36

VI. THE REFLECTION OF THE DIFFERENT ART FORMS IN MODERN CULTURE

Воробьёва А. В., Авдеева Д. А.
Анализ сборника рассказов В. О. Пелевина «Ананасная вода
для прекрасной дамы» 42

Атаханова Ф. З.
Ўзбек анъаналарининг замонавий либослардаги жозибаси 46

VII. INFORMATION AND COMMUNICATION SPACE AND MEDIA CULTURE

Кукарников Д. Г.
Массмедиа в современной культуре: опыт политико-философского
осмысления 53

VIII. CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AND ISSUES OF INTERACTION OF CULTURES IN A GLOBALIZING WORLD

Goncharov V. N.
Cultural space in the era of globalization: revisiting
the transformation problem.....59

Kolosova O. Yu.
Communication in the modern society context: philosophical
and globalization aspect.....62

План международных конференций, проводимых вузами России,
Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана,
Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ» в 2017 году 66

Информация о научных журналах 67
Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»..... 68
Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»..... 69

I. CULTURE: CONCEPT, THEORY, HISTORY RESEARCH

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ СИМВОЛОВ В КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ (на примере символики глаза)

И. В. Крыкова

Кандидат философских наук,
Тамбовский государственный
музыкально-педагогический институт
им. С. В. Рахманинова,
г. Тамбов, Россия

Summary. The article deals with the evolution of the symbol of the eye, its place and role in history and culture. Separately considered the symbolism of the eye in mythology, religion, art, including icon painting, painting, architecture, applied art. In conclusion, the conclusion is drawn that the eye is a universal symbol of culture.
Keywords: symbol; eye; "all-seeing eye"; culture; mythology; language; religion; art; tradition.

Символы, как универсальная категория культуры, раскрывающаяся через сопоставление предметного образа и глубинного смысла, с каждым годом привлекают все большее внимание различного рода исследователей – искусствоведов, филологов, историков, этнологов, психологов и др.

Являясь вполне конкретным и видимым воплощением высших человеческих ценностей и смыслов, символы становятся универсальным языком культуры, ее своеобразным ключом, помогающим открыть дверь в бесконечный мир природы, а также в сферу психики человека, ее бессознательное.

Изучение символов, их природы, смысла и роли, имеет длительную историю. Само слово «символ» происходит от греч. simbolon – знак, сигнал, пароль, эмблема, познавательная примета, simballo – соединяю, сталкиваю, сравниваю. Как считают исследователи, словом simbolon в Древней Греции называлась половинка черепка, выдававшаяся гостю и служившая удостоверением его личности при последующих посещениях дома [4, с. 122].

Христианский богослов Псевдо-Дионисий Ареопагит отмечал, что существуют два способа передачи знаний об истине: «один – невысказанный и тайный, другой – явный и легко познаваемый; первый – символический и мистериальный, второй – философский и общедоступный» [8, с. 5].

«Знаком бесконечного в конечном» называл символ немецкий философ А. Шлегель [8, с. 5]. Другой философ, Э. Кассирер, автор «Философии символических форм», утверждал, что есть только одна действитель-

ность – символическая. Известный французский структуралист К. Леви-Стросс полагал, что нашел «путь от символов и знаков к бессознательной структуре разума, а, следовательно, к структуре вселенной» [4, с. 123].

С психологической точки зрения изучал символы швейцарский психиатр, автор аналитической психологии, К. Г. Юнг. Для него символ выступает своего рода языком подсознания, изучение символов – это на самом деле изучение отношения человека к своему подсознанию. Исследованию символов К. Г. Юнг посвятил такие свои работы как «Человек и его символы», «Архетип и символ» и др.

Немецкий философ Э. Фромм, в своем труде «Забытый язык» говорит о том, что «язык символов — это язык, посредством которого мы выражаем наше внутреннее состояние так, как если бы оно было чувственным восприятием, как если бы оно было чем-то таким, что мы делаем, или чем-то, что делается с нами в окружающем материальном мире. Язык символов – это язык, в котором внешний мир есть символ внутреннего мира, символ души и разума» [4, с. 307].

Из отечественных исследователей, изучавших природу символов, их скрытый смысл и роль в истории развития человечества, можно выделить таких ученых, как Ю. М. Лотман, П. Флоренский, М. М. Бахтин, А. Потебня, А. Ф. Лосев и др.

Символы присутствуют во всех областях человеческой жизни. Без них невозможно представить себе существование языка, мифологии, религии, поэзии, истории, искусства. Символы присутствуют в человеческой психике, поскольку самый древний пласт человеческого мышления – символический.

Однако особенно важное значение символы имеют в истории искусства. Большинство произведений искусства (особенно живописи) имеют символический подтекст. Более того, в истории живописи известны периоды, когда символы были одним из общекультурных принципов. Так, например, было в период западноевропейского средневековья, когда многие не умели читать, но язык символов был понятен любому верующему.

Знание символического языка помогает человеку глубже понять смысл произведения искусства, побуждает его к духовному преображению. Смысл символа нельзя расшифровать простым усилием разума: смысловая структура символа достаточно многослойна и требует от зрителя активной внутренней работы, в символ необходимо «вжиться», «прочувствовать» его. Обращаясь к человеческому подсознанию, символ порождает сложные ассоциации, дает возможность приблизиться к неизвестному, непонятному.

Расшифровать полностью смысл тех или иных символов невозможно, поскольку их форма изменчива, а интерпретация в разных культурах, религиях и эпохах может быть диаметрально противоположной. В случае многозначности символа необходимо использовать то из его значений, ко-

торое соответствует эпохе создания произведения искусства, общему духу картины.

Многие символы зарождались в глубокой древности, в дописьменную эпоху, когда господствовало мифологическое мышление. Первобытные люди наделяли символическим смыслом образы растений, животных, числа, цвета, предметы и т. д. Древнейшей формой символического выражения был ритуал, связанный с мифом. В ритуалах определенные предметы получали условное символическое значение, понятное всем участникам действа и признаваемое ими. Так, например, солнечный знак круг одновременно был символом единства, совершенства, законченности, вечности и т. д. Отсюда архаические круговые танцы и ритуальные хороводы вокруг огня, круглые формы жилищ кочевых народов, круговая структура мегалитических сооружений. Таким образом, с помощью символов древние люди приобщались к окружающему миру, природе, социуму. Со временем многие мифы, попадая в новый культурный контекст, могли получать новые значения, часто не утрачивая при этом старых.

Одним из самых древних и могущественных символов в культуре, религии, мифологии и искусстве является глаз. Практически всем народам глаз известен как символ божественного всеведения («всевидящее око», «глаз неба»). В различных древних культурах глаз уподобляется солнцу, солнечному свету и связан с изображением солнечных богов, их мудрости и силы.

Древнегреческий философ Плотин говорил: «Глаз не мог бы смотреть на солнце, если бы в каком-то смысле сам не был солнцем» [8, с. 100]. Другой древнегреческий философ, Платон, называл глаз главным солнечным инструментом. Мыслитель полагал, что каждая душа имеет глаз, которому единственному доступно видение истины [3].

В архаических представлениях солнце, луна и звезды – это глаза богов, причем согласно западной традиции правый глаз означает солнце, день, будущее, активность, а левый – луну, ночь, прошлое, пассивность. В восточной традиции (например, китайской и японской символике) прослеживается обратная ситуация. Так, в Японии солнечная богиня Аматэрасу, прародительница японского императорского рода, родилась из левого глаза бога творения Идзанаги, а бог Луны – из правого. В ведических текстах упоминается о том, как из ока космического прачеловека Пуруши «вышло зрение, из зрения Солнце» [8, с. 100]. В китайской мифологии солнце и луна также возникли из левого и правого глаза первосущества – великана Пань-гу [6, с. 98]. В некоторых древних мифах из глаз богов появляются мир и человечество. Так, в древнеегипетском «Большом гимне Амону» говорится о том, что люди вышли из слез бога Солнца [8, с. 102].

Следует отметить, что в египетской традиции символизм глаза был чрезвычайно сложным. Глаз Гора (око Ра, Уаджет) представляет собой раскрашенное изображение глаза со спиралевидной линией под ним и яв-

ляется символом не только всевидящей власти божества, но и единства космоса, целостности мироздания, а также выступает символом плодородия (рис. 1.).

Рис. 1. **Глаз Гора**

В сохранившихся древнеегипетских текстах можно обнаружить несколько версий мифа об оке Гора. Повествование начинается с того, что бог зла Сет сначала убил, а затем расчленил тело бога Осириса. Сын Осириса и Исиды, бог Гор, мстя за отца, вступает в битву с Сетом. При этом согласно одной версии Сет проткнул левый глаз Гора своим пальцем, согласно другой – наступил на него, согласно третьей – проглотил его. Тем самым был нарушен установленный космический порядок. Далее в одном из текстов рассказывается, как обеспокоенные боги послали бога мудрости и магии Тота вернуть глаз Гора, что и было им сделано. В другом тексте повествуется, как богиня неба и плодородия Хатхор восстановила глаз, напоив его молоком газелей. В третьем тексте сообщается, что бог бальзамирования Анубис захоронил глаз на склоне горы, где он дал побеги в виде винной лозы. После того, как Осирис проглотил око Гора, его расчленённое тело срослось подобно тому, как это произошло с самим оком [3].

Этот миф стал причиной популярности ока Гора в качестве отводящего зло амулета, который носили многие египтяне – и фараоны и простые люди (рис. 2–3).

Рис. 2. **Нагрудное украшение с крылатым скарабеем. Гробница Тутанхамона, Египетский музей, Каир**

Рис. 3. **Браслет фараона Шешонка I. Египетский музей, Каир**

Для помощи мертвым в загробной жизни уаджет часто изображали на загробных масках, саркофагах, а также на египетских мумиях у отверстия, через которое из них вынимали внутренности. Все это делалось с целью «оживить» воплощения, т. е. вернуть душу погребаемому телу во время ритуала «отверзания уст и очей».

Глаз Гора также послужил прообразом нарисованных и инкрустированных глаз, вставлявшихся в прорези на лицах древнеегипетских статуй.

В большинстве своем инкрустированные глаза изготавливались из скорлупы страусиных яиц и черной пасты, имитирующей зрачок и веки. Веки чаще всего выполнялись из меди, реже – из серебра или темного стекла и покрывались зеленой, «малахитовой зеленью», что указывает на существование обычая окрашивания человеческих глаз, по крайней мере, на ранних этапах. Обведение век «малахитовой зеленью» символизировало восстановление целого глаза Гора [3]. В египетских статуях периода Древнего царства особенно поражает техника изготовления глаз, которая делала лицо живым. Считая глаза зеркалом души, египтяне уделяли им большое внимание при изготовлении подобных статуй. Глаза выполнялись из различных материалов: оболочка делалась из бронзы, алебастр имитировал белок, а горный хрусталь – зрачок. Далее под хрусталь подкладывали небольшой кусочек эбенового дерева, благодаря которому и получалась та блестящая точка, придававшая живость зрачку и всему глазу (рис. 4–5) [2, с. 72].

Рис. 4 **Фрагмент статуи писца. Египетский музей, Каир**

Рис. 5 **Фрагмент статуи писца Каи. Лувр, Париж**

На суде Осириса бог Тот держал священный глаз Гора, который наблюдал за процедурой взвешивания сердца умершего. Изображение глаза с крыльями в древнеегипетской иконографии был символом севера и юга**.**

Следует отметить, что египтяне, китайцы, индийцы, греки и другие народы украшали изображениями глаз свои лодки, чтобы не сбиться с курса, уберечь команду от опасности и «видеть» косяки рыб (рис. 6). У китайских лодок-драконов во время гонок открывали глаза, а после закрывали, чтобы лодки могли отдохнуть. Древние греки изображали глаза на носу ладьи Харона, перевозчика душ умерших в загробное царство. Обычай украшения лодок изображениями глаз существует и по сей день у многих жителей Средиземноморья.

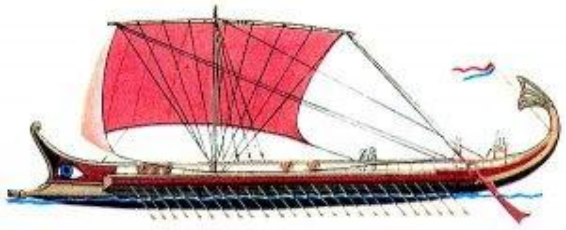

Рис. 6. **Греческий пентеконтор**

Многие народы считали глаза местом пребывания души. Древние греки верили, что душа человека подобна маленькой куколке и видна через зрачок глаза [5, с. 174]. Изображения глаз как символа божественного присутствия можно встретить на древнегреческих вазах (рис. 7).

Рис. 7. **Деталь росписи сосуда с острова Мелос. 7 век до н.э. Афины**

Греки считали глаз символом Аполлона – бога света и солнца, покровителя наук и искусств. У Гомера упоминается солнце как «всевидящий глаз Зевса» [1]. Римляне почитали глаз Юпитера, в германской мифологии солнце предстает как «глаз Одина».

Двойственным значением обладает в мифологии одноглазие и многоглазие. Так, одноглазие, являясь формой физического уродства, связывается, как правило, со злом. В античной мифологии упоминаются такие персонажи, как циклопы («круглоглазые») – великаны с одним глазом посередине лба. Гомер описывает их как племя гордых и злых великанов, обитающих в глубоких пещерах, не знающих законов и ремесел, единственным их богатством являются стада [6, с. 288]. В восточнославянской мифологии встречается такой персонаж, как Лихо Одноглазое – персонифицированное воплощение злой доли [6, с. 319]. С другой стороны, в скандинавских мифах рассказывается о том, как бог Один отдал свой глаз хранителю мирового источника великому Мимиру в обмен на внутреннее зрение – мудрость. При этом Один также познал мед поэзии, став таким образом покровителем скальдов [7, с. 227].

Индийский эпос называет Индру тысячеглазым, подчеркивая мудрость и всевидение бога. Милосердное буддийское божество Гуаньинь («великая печальница») наделяется тысячей рук, на ладони каждой изображен глаз. Этими глазами Гуаньинь видит одновременно всех находящихся в беде людей, а руками спасает их [6, с. 164].

Символом божественного, духовного зрения в некоторых традициях считался «третий глаз» («глаз сердца»), который чаще всего находился в середине лба чуть выше уровня глаз. Так, в индуизме третий глаз является непременным атрибутом бога Шивы, знаком его могущества и разрушительной силы. По одной версии, третий глаз появился у Шивы, когда его жена Парвати в шутку закрыла ему глаза и Вселенная погрузилась во мрак, по другой версии – три глаза бога символизируют солнце, луну и огонь [7, с. 67]. Глаз Шивы символизирует духовное сознание, мудрость, интуитивное восприятие, йогическое ясновидение. В то же время он обладает раз-

рушительной силой: его пламенем Шива может испепелить грешника. Однажды Шива сжег Каму, бога любви, когда тот своими стрелами хотел отвлечь его от медитации [7, с. 67].

Третий глаз Будды («пылающая жемчужина») – также символизирует духовное сознание, трансцендентную мудрость, ясновидение.

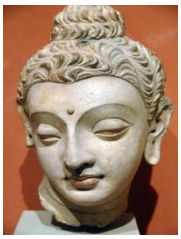

Рис. 8. **Голова Будды из Гандхары, Северная Индия. III–IV вв.**

В исламе глаз сердца считается духовным центром, местом абсолютного просветления. Христианский богослов Августин Блаженный считал, что у всякого человека есть три глаза, «только первый, направленный на чувственный мир, почти не изменился со времен грехопадения Адама и Евы, второй, призванный воспринимать внутренний мир человека, после этого помутнел, а третий, созерцающий Божественное, практически перестал видеть» [8, с. 107].

В эпоху Средневековья и Возрождения образ девы с тремя глазами был символом духовного видения прошлого, настоящего и будущего. В «Божественной комедии» Данте упоминается о нимфе, которая является аллегорией Мудрости и единственной обладательницей третьего глаза, с помощью которого она зрит прошлое, настоящее и будущее [1].

Противоположностью ясному третьему глазу во многих традициях выступает «дурной глаз» – символ зла и разрушения. В античной мифологии его олицетворением можно считать Медузу Горгону, взгляд которой превращал человека в камень, а также Аида, бога подземного царства, изображавшегося с головой, повернутой назад, поскольку взгляд его считался смертельным.

В различных традициях существовало предубеждение против дурного глаза. Так, в русской традиции дурной глаз приписывался цыганам, евреям, татарам, а также людям с косыми глазами. В обыденной речи представление о разрушительной силе взгляда закрепилось в выражениях «испепеляющий взгляд», «сглазить» и др.

В связи с распространением подобных представлений широко применялись амулеты в виде ока, защищающего от сглаза, сил зла и колдовства. Так, например, в Турции до сих пор на некоторых домах изображают глаза над дверями: считается, что такой талисман отводит зло.

В христианской иконографии глаз, расположенный в центре солнечных лучей, является общеизвестным символом божественного всеведения («Всевидящее око»). В православной традиции эта сложная символико-

аллегорическая композиция появляется с конца XVIII века под западным влиянием (рис. 9). В Псалтыри сказано: «Вот, око Господне над боящимися Его и уповающими на милость Его» (Пс.32:18) [8, с. 104]. В данном случае само «Око» символизирует собственно самого Бога, который все видит – мысли, желания и действия. То, что глаз только один – символизирует единственно правильное видение мира.

Рис. 9. **Икона «Всевидящее око»**

Также Всевидящим Оком может называться символическое изображение Всевидящего Божьего глаза, вписанное в треугольник с направленной вверх вершиной – символ Троицы. Лучи, струящиеся от треугольника, символизируют как божественное сияние, так и воплощение бесконечности и безграничности божественных проявлений – силы, святости и т. д.

Символ Всевидящее Око встречается на иконах и картинах, культовых и гражданских сооружениях. Так, например, этот символ можно встретить на картине Я. Провоста «Аллегория христианства», К. Д. Фридриха «Крест в горах», на портике Казанского собора и барельефе на пьедестале Александровской колонны в Санкт-Петербурге, в интерьере Андреевского зала Большого Кремлевского дворца в Москве (рис. 10), на фасаде Ахенского собора в Германии, а также на различных медалях (рис. 11).

Рис. 10. **Фрагмент интерьера Андреевского зала Большого Кремлевского дворца в Москве**

Рис. 11. **Медаль «За взятие Парижа»**

В масонской символике «всевидящее око» («Лучезарная Дельта»), в треугольнике и венке из лучей, во многих ложах расположено над стулом мастера и должно напоминать о проникающей во все тайны мудрости и бдительности Творца, «Великого Архитектора Вселенной», наблюдающего

за трудами вольных каменщиков. Лучезарная Дельта считается знаком просвещенности или принципа сознания.

С 1782 года Око Провидения было принято как часть символики обратной стороны Большой Печати Соединенных Штатов. Изображенное Око окружено словами «Annuit cœptis» («наши начинания благословенны»). Око помещено выше незаконченной пирамиды с тринадцатью уровнями, символизирующих 13 штатов, первоначально входивших в состав США (рис. 12).

Рис. 12. **Большая печать США (обратная сторона)**

В христианской традиции Христа часто изображали с горящим и пронизывающим взглядом. В православной иконографии широко распространенным является сюжет «Спас Ярое Око» (от *ярый – пылкий, сердитый, резкий*) – оплечная икона Иисуса Христа, отличающаяся особо строгим, проницательным выражением глаз. Примером может служить икона «Спас Ярое Око» из Успенского собора Московского Кремля.

Следует отметить, что до XV века на Руси глаза на иконах писались преувеличенно крупно. Но и в дальнейшем глазам на иконах уделялось большое внимание. Иконописцы часто писали святых с закрытыми глазами или вовсе с пустыми глазницами. Таким способом художники пытались передать мысль о том, что святым не нужны телесные очи, они внутренним (духовным) зрением видят Бога, их взгляд направлен не на внешний мир, а внутрь, на созерцание божественной истины. В качестве примера можно привести фрески церкви Спаса на Нередице (рис. 13) и некоторые работы Феофана Грека в церкви Спаса Преображения в Новгороде.

Рис. 13. **Пророк Аарон. Фреска церкви Спаса на Нередице, Новгород. XII в.**

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что глаз как символ встречается у многих народов в разных концах света, что позволяет считать его универсальным символом. Являясь неотъемлемой частью че-

ловеческого мышления, сознания, символы чрезвычайно важны для понимания путей развития человеческой мысли, искусства, обычаев, религии и мифологии. На примере символики глаза можно сказать, что смысл символа часто зависит от эпохи, религии, культуры, менталитета народа. Знание символического языка способствует более глубокому и полному пониманию нравственного и философского содержания художественных произведений. Глубина понимания символа зависит от способности человека к интерпретации, от его эрудиции и интуиции, а чтобы понимать символ – его необходимо знать.

Библиографический список

1. Глаз как символ. – URL: http://okoris.ru/ehto-interesno/glaz-kak-simvol/ (дата обращения 30.08.2017)
2. Емохонова Л.Г. Мировая художественная культура: учеб. пособие для студентов сред. пед. учеб. заведений/ Л.Г. Емохонова. - 9-е изд. - М. : Академия, 2013. - 544 с.: ил., [16 л. ил.].
3. Зеленченко Т. Символика тела. Часть 2. Глаз. – URL: http://www.liveinternet.ru/users/2881321/post106905915/ (дата обращения 31.08.2017)
4. Культурология : учеб. для студ. техн. вузов / Колл. авт.; под ред. Н. Г. Багдасарьян. – М. : Высш. шк., 1999. – 511 с.
5. Лисичкина О. Б. Мировая художественная культура: Древний мир. – М. : ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»; СПб.: СпецЛит, 2004. – 318, [2] с ил.
6. Мифология. – М. : Науч. изд-во «Большая Рос. Энцикл.», 2003. – 736 с.
7. Садовская И. Г. Мифология: учебное пособие. – М. : ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ»», 2006. – 352 с. (Серия «Учебный курс).
8. Символы. Знаки / ред. группа: Т. Каширина, Т. Евсеева и др. – М.: Мир энциклопедий Аванта+, Астрель, 2010. – 213 [3] с.: ил. – (Самые красивые и знаменитые).

II. ETHICAL AND ENVIRONMENTAL ASPECTS OF CULTURE

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА – СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР ОБЩЕЙ КУЛЬТУРЫ: АКТУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Н. Ш. Блягоз *Кандидат педагогических наук, доцент,*
Н. К. Куприна *кандидат педагогических наук, доцент,*
Адыгейский государственный университет,
г. Майкоп, Республика Адыгея, Россия

Summary. The article is devoted to the problem of determining the place of the ecological aspect in the general culture of man and society. In it the urgency of statement of the given question, a degree of its studying in the scientific world. Authors, denote their position in the relation 'culture – ecological culture', substantiate it and thus show a further direction in the effective solution of the problem of the formation of an ecological culture of man.
Keywords: culture; ecological culture; nature; society; ecological education.

> Мы научились плавать в воде, как рыбы, летать в небе как птицы, осталось только научиться жить на Земле, как люди.
> *Бернард Шоу*

Актуализация культурной проблематики в жизни современного общества объясняется переживаемым кризисом культуры, обусловленным принятием ценностей техногенной цивилизации, которое самым серьезным образом отразилось на экологическом состоянии природы. Экологическая проблема, начавшаяся с локальных загрязнений, в современном мире выросла до угрозы глобальной катастрофы и об уровне культуры любого народа, человека и цивилизованности страны в целом в настоящее время можно судить по уровню культуры отношения к природе – экологической культуры. Это обусловлено тем, что источником, материалом и местом действия культуры является природа. Без природы не было бы культуры и диалектика развития культуры раскрывается во взаимодействии человеческого общества с природой.

Человек осваивает, претворяет и достраивает природу. Однако, именно, первым шагом, сделанным человеком в сторону разрыва связей с

природой, послужило начало возведения на ней своего мира, мира культуры как высшую ступень эволюции, развивающуюся по своим законам, которые не совпадают с законами развития природы. Между тем, освоить природу означает познание ее законов, следование которым призвано гармонизировать, выстраиваемые отношения между человеческой культурой и природой.

«Людям необходимо осознать, замечает Д. С. Лихачев, – что отношения природы и человека – это отношения двух культур, каждая из которых по своему социальная и обладает своими «правилами поведения» [3, с. 150]. Их встреча строится на своеобразных нравственных основаниях. Обе культуры – плод исторического развития, причем развитие человеческой культуры совершается под воздействием природы издавна (с тех пор как существует человечество), а развитие природы с ее многомиллионолетним существованием – сравнительно недавно и не всюду под воздействием человеческой культуры. Культура природы может существовать без культуры человеческой, а человеческая без культуры природы – не может. Необходим диалог двух культур – человека и природы, и человеку в этом диалоге необходимо быть чутким, внимательным и очень осторожным собеседником [1].

Сущностью культуры, в традиционном смысле, всегда было отличие социального и природного. На начальном этапе развития человеческого общества единство культурного и природного выражалось в подчиненности человека природе. Позднее, с развитием труда, научно-техническим прогрессом это единство модифицируется во взаимодействие культуры (человека) и природы, в котором культура господствует над природой. При этом, упускается из вида, что противопоставление культуры и природы означает введение в противоречие биологическое и социальное в биосоциальной целостности человека, призванного гармонизировать взаимодействие двух сфер бытия – культуру и природу, а ведь только путем их гармонизации он может решить экологическую проблему и «восстановить» свою целостность как человека. Последнее становится возможным ведением экологической составляющей в систему культуры, что побудило ученый мир выделить экологическую культуру, как одной из составляющих компонентов общей культуры человека.

Экологическая культура – это проекция экологии на сферу культуры [4] и проекция культуры на сферу экологии. Если культура – «все целостное бытие человека» [2, с. 307], то экологическая культура – это способ существования человека в экологическом аспекте своего бытия.

На нынешний момент, в научном мире, нет единого понимания экологической культуры человека. Так, она рассматривается то как способность человека использовать свои экологические знания и умения в практической экологической деятельности (А. А. Горелов, С. Д. Дерябо, А. Н. Захлебный, А. Е. Тихонова и др.), то как системообразующий фактор,

обуславливающий развитие в человеке истинной интеллигентности и цивилизованности (Б. С. Ерасов, Б. Т. Лихачев и др.), то как ступень развития общечеловеческой культуры (А. Антипенко, Н. С. Глазачев, В. А. Красилов, Б. Т. Лихачев, Н. Н. Моисеев, Н. Ф. Реймерс и др.).

Экологическая культура рассматривается в двух измерениях: на основе экологического и культурологического подходов. В рамках экологического подхода она представляется как культура экологической деятельности, а с позиций культурологического подхода – как экологический аспект развития культуры. По сути, оба подхода описывают одно явление с двух разных сторон. Первый подход (экологический) позволяет обусловить экологическую культуру как совокупность результатов, достигнутых обществом в сохранении и воссоздании природных условий своего существования. Второй – культурологический подход как своеобразную форму человеческой деятельности, обращенную на сохранение этих условий.

Экологическая культура призвана интегрировать социальное и природное в единое целое, и наличие у человека высокого уровня экологической культуры содействует осмыслению и переживанию мира как коэволюции естественной и искусственной реальностей (В. А. Красилов, Н. Н. Моисеев и др.), т. е. природной и культурной (социальной). Она – основа, системообразующий фактор общей культуры. Природа изначально есть, а человеческая культура – это искусственный продукт деятельности, реализуемый на лоне и изначально средствами природы и поэтому она должна считаться с законами природы, средствами которой пользуется и куда встраивается, оказывая на нее воздействие. Природа в иерархической лестнице биосферы – целостная система, в состав которой входит социум - человеческое общество как часть этой целостности, которая должна функционировать по законам целостности. В этом случае, человек и общество «становятся» на свое место и выступают органичной частью природы, а не властителем, «царем».

Сегодня, экологическая культура оказывает влияние на все «культурное поле» человека и общества: наука, искусство, религия, производство, экономика, политика и др. и представляет собой общекультурное образование. В этих условиях, осознание того, что человек существуют на Земле не просто ради себя, а выполняет определенную биосферную функцию – согласованное социоприродное развитие общества должно стать стержневой идеей организации экологического образования целью которой и является формирование экологической культуры личности.

Тогда, традиционная система образования, основывающаяся на принципах классической науки, уже не может эффективно справиться с целью формирования экологической культуры обучающегося. Система образования должна обеспечивать интеграцию различных способов познания мира, тем самым, расширяя творческий потенциал обучающегося для целостного восприятия и осознания мира, свободных и осмысленных дей-

ствий. А такую необходимую интеграцию современное образование не может предложить, ибо остается на позиции предметной дифференциации научного знания как средства достижения эффективности обучения, в том числе и экологического образования. Система образования, основываясь на раздробленные научные учебные предметы, приводит к частичному, разорванному, отчужденному от человека научному знанию, усвоению репродуктивного характера мышления и не позволяет реализации метапредметной функции экологической культуры в образовании. Она не ставит и не реализует задачу интеграции социума со всеми его составляющими в природу, не реализует задачи становления целостной личности, т. е. «собрать» в единое целое человека, обучающегося, постигающего экологические знания на разных учебных дисциплинах, «собрать» его знания в целостную картину мира. В этой логике экологическая культура может рассматриваться как форма «преодоления» опасных изменений окружающей среды, вызванных разрозненностью самого человека, человека и природы, природы и социума, благоприятствуя развитию биосферы по «родному» для нее закону целостности, а значит сохранения человека на Земле.

Библиографический список

1. Бессонов Б. Н. Д. С. Лихачев об экологии культуры и о задачах воспитания личности // Мир и политика. – 2009. – № 34. – С. 57–60.
2. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в XXI век. – М., 1991
3. Лихачев Б. Т. Структура экологической культуры личности и педагогические основы ее формирования // Средства массовой информации и экологическое образование в решении проблем охраны окружающей среды: Мат. I международной конференции / под ред. проф. С. Н. Глазачева. – Владикавказ : Изд-во СОГУ, 1997. – 192 с.
4. Марар О. И., Сосунова И. А. Экологическая культура: понятие, сущность, структура и функции // ПОИСК. – Вып. № 1 (21). – М., 2009.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ КАК ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

М. Ж. Жумагулов
К. Ш. Карабукаев

Доктор философских наук, профессор,
кандидат химических наук,
старший научный сотрудник,
Институт философии
и политико-правовых исследований
Национальной академии наук
Кыргызской Республики,
г. Бишкек, Кыргызстан

Summary. The article considers ecological knowledge as the most important component of the structure of ecological culture, it is traced that it is the basic component of socio-ecological progress and the socio-cultural basis for the development of social nature.
Keywords: ecological knowledge; ecological culture; «society-nature» system.

В условиях глобализации изучения сущности экологической культуры в социоприродном взаимодействии является очень актуальным. Формирование и становление экологической культуры общества в социоприродном процессе, как специфический компонент общей культуры выражая необходимости решения экологических проблем, определяет пути оптимизации сбалансированного взаимодействия общества и природы. В этом аспекте экологическое знание, являясь одним из важнейших составляющих структуры экологической культуры влияет на ее формирование, представляя его как процесс об адекватном отражении взаимоотношений людей с окружающей средой. При этом экологическое знание отражая системно-структурное взаимодействие субъекта с природой является основанием становления новой парадигмы экологической культуры на гуманистических началах в отношении к природной среде. Как отмечает В. И. Табуркин в диалектическом понимании экологическое знание – есть результат общественно-материальной и духовной деятельности людей, идеальное знаково-понятийное выражение объективных процессов и явлений экологического бытия и рассматривается как особый феномен, элементы которого изначально закладываются и формируются в различных отраслях знания [6].

Важно отметить, что понятие «экологическое знание», характеризует исторически сложившуюся и систематизированную на основе социальной рефлексии информацию, имеющую социально-культурное, аксиологическое значение в рассмотрении и преобразовании процессов взаимодействия общества и природы. Процесс формирования экологического знания обусловливается развитием знания о человеке и природе, об их единстве, взаимосвязи преобразовательной созидательной экологической деятельности, отражением методов познания социоэкосистемы и имеет несколько этапов бытийной организации. С этой позиции О. И. Марар отмечает, что

сформированность системы экологических знаний, понимание целостности окружающей среды, взаимосвязи и взаимообусловленности ее элементов придает экологической культуре качественного компонента, как экологическое знание [3]. Отсюда можно считать, что экологическое знание и экологическая культура в единой связке представляют как систему диалектически взаимосвязанных элементов целого.

Следует подчеркнуть, что экологическая культура – есть органическая, неотъемлемая часть культуры представляет особую сферу жизнедеятельности людей, характеризующую своеобразие их взаимодействия с природой и включающую в себя систему диалектически взаимосвязанных элементов: экологических отношений, экологической деятельности, экологического сознания и экологического знания [1; 5]. Это дает основание, что пришло время синтеза социального, духовно-нравственного и природного начал в культуре на основе глубокого понимания природы, ее ценности, самоценности, насущной необходимости формирования у человека уважительного отношения к природе как непременного жизненно необходимого условия его выживания. В этой связи важнейшим показателем уровня развития экологической культуры общества наряду с его духовным развитием является и экологическое знание, которое является ее средством духовно-практического освоения природы с соответствующими знаниями. При решении проблемы гармонизации взаимосвязи человека и природы на современном этапе особую значимость приобретают экологические знания, как основной составляющий экологической культуры. Экологические знания открывают жизненно важные стороны окружающей действительности, содействуют изменению нашей культуры, образа жизни, определяя взаимоотношения субъектов с природной средой. Ученый-эколог В. А. Ясвин отмечает, что «Экологическая культура – это способность людей пользоваться своими экологическими знаниями и умениями в практической деятельности. Люди, у которых не сформирована экологическая культура, могут обладать необходимыми знаниями, но не владеть ими [7]. В зависимости от того, какие экологические знания получили люди и в какой мере они себя духовно выстроили, экологической нравственности, в какой мере они чувствуют ответственность перед нынешним и будущим поколением, его отношением к природе, в зависимости от этого будет сформирована та или иная экологическая культура общества и экокультурная среда человека.

Являясь составной частью духовного состояния общества, экологическая культура представляет собой динамическое единство экологических знаний, положительного отношения к этим знаниям и реальную многостороннюю экологическую деятельность человека в природе, включая ее мотивацию. В соответствии с обозначенными условиями, экологическая культура в контексте развития экологического образования должна решать следующие задачи в их единстве: формирование системы знаний об экологических проблемах и путях их решения, формирование мотивов, потреб-

ностей и привычек экологически целесообразного поведения и деятельности, стремление к охране природы, интеллектуальное, эмоциональное, нравственно-духовное развитие личности в неразрывном единстве с естественной средой. Поэтому экологическая культура предполагает наличие достаточно высокого уровня экологических знаний, как один из базовых компонентов объективного социально-экологического прогресса, которая ориентирует общество на коэволюционный путь развития. Она становится необходимой составляющей в аспекте адекватного осмысления научной картины мира и перспектив развития человечества. Именно поэтому на первый план выходят проблемы духовности, нравственности, этичности и познавательной ориентации экологической культуры.

Важно констатировать, что экологическое знание определяется как глубокое осознание неразрывной связи человека с природой, зависимости благополучия людей от целостности природной среды обитания человека. Справедливо отмечает известный философ В. С. Степин, что «экологическое знание образует важнейший компонент современной научной картины мира, аспект экологической культуры, соединяя знание о биосфере, ноосфере, социоприроды с одной стороны, и знания о социокультурных процессах, с другой [4]. В этом аспекте экологическое знание составляя необходимого элемента духовности в современной экокультурной ситуации обеспечивает трансформации духовно-культурных ценностей общества. Поэтому в будущем прогресс общества все больше будет зависеть от нового уровня экологических знаний и логических способов их применения. Следовательно, при формировании и развитии экологической культуры важное значение имеет экологическое знание. Эволюционная сущность и имманентное содержание экологических знаний означает то, что в процессе целенаправленной предметно-практической экологической деятельности людей формируются навыки, умения, ценностные ориентации и результаты познания природной, социоприродной действительности, система сведений, информаций о закономерностях и тенденциях развития природы, социоэкосистемы [2].

Следует отметить, что для людей экологические знания составляют важнейшую сторону мировоззренческого социально-экологического видения реальности, неотделимы от их образа жизни, культурных ценностей и духовно-нравственных убеждений, ценностных ориентаций. Укрепляя социокультурного своеобразия людей, экологическое знание составляет содержательно-информационный аспект формирования экологической культуры и в ходе формирования последнего осуществляется познание объектов, явлений в более целостных природных и социоприродных системах, ценностно-нормативных экологических императивов. С другой стороны формируя в себе духовно-нравственные качества людей, экологическая культура выражается в их способности осознанно пользоваться своими экологическими знаниями и умениями в предметно-практической деятель-

ности, способности правильного общения людей с природой и станет реальностью лишь в результате необходимого непрерывного экологического образования и просвещения людей, социальных групп на традиционной духовно-нравственной основе. Наряду с этим, развитое экологическое знание играет особую роль в формировании научной системы взглядов о той сфере природных процессов, с которой человек взаимодействует в своей многообразной деятельности, и которая выступает посредственной средой его обитания. Вместе с тем экологическое знание образует важнейший компонент современной научной картины мира, важный аспект экологической культуры, соединяя знания о биосфере, ноосфере, социоприроды и знания о социально-культурных процессах. Экологические знания объясняют неизвестные стороны действительности и призваны выполнять предписывающие функции по отношению к человеческой деятельности, т.е. выполнение их становится показателем освоения норм и идеалов новой, развитой экологической культуры.

Эволюция формирования многообразия экологического знания показывают, что по мере возникновения экологических проблем, особенно с момента углубления знаний о взаимозависимости природных, экологических и социальных систем, они становятся необходимыми в структуре миропонимания того или иного народа. В этом аспекте в диалектическом развитии кыргызского народа, как подсистемы восточной цивилизации особенности, освоения данного этноса предметной действительности вытекают из естественно-природной и социально-культурной ограниченности их деятельности, которые непосредственно вплетена в окружающую природную среду [2]. Отсюда экологическое знание, т. е. отражение многообразного отношения кыргызского народа к природной среде есть выражение его образа существования, способа хозяйствования, многовекового опыта обыденной практики. Кыргызы пытались на эмпирическом уровне осмыслить взаимосвязь, взаимоотношение между человеком и средой его обитания, что и получило адекватное отражение в устном народном творчестве. При этом эмпирическое экологическое знание – это есть совокупность созерцания, восприятие, умозрения природного бытия, которые нельзя рассматривать как результат сознательного применения определенных логических законов и приемов, их связь с практикой носит непосредственный характер. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что обыденные знания донаучном познании дают в известных пределах адекватное отражение природной действительности. Однако в них содержится лишь описание явлений, но нет проникновения в сущности природных, социоприродных явлений, процессов. В этом плане кыргызский эпос «Манас» является своеобразным выражением всего разнообразия представлений о среде обитания, о единстве человека и природного бытия. В них особенно отражаются отношения нашего народа к природе, определения необходимого условия для жизнедеятельности кочевой жизни и т. д.

Необходимо отметить, что в эпосе «Манас» окружающая реальность рассматривается в пространстве и во времени, обретает силу от животворного общения человека с природой, последняя предстает полем деятельности человека, организации его бытия, в мифоэпической форме обозначены слитность прошлого, настоящего и будущего, преемственность поколений.

Из вышесказанного следует, что на основе разнообразного отношения людей, социумов и целого общества формируется экологическое знание. Оно включает в себя совокупность традиционных идей, идеалов, представлений, убеждений и норм, императивов о природно-космических объектов; взаимосвязи человека и природной среды, общества и природы в целом. Экологические знания, являясь проявлениями духовно-культурного развития развертывается в историко-цивилизационном пространстве и социальном времени.

Библиографический список

1. Гирусов Э. В., Широкова И. Ю. Экология и культура. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1989. – 167 с.
2. Жумагулов М. Онтология экологической этики. – Б. : Илим 2010.–154 с.
3. Марар О. И., Сосунова И. А. Экологическая культура: понятие, сущность, структура и функции // ПОИСК. вып. 1(21). – М., 2009. – С. 29–40.
4. Степин В. С. Философия науки. – М. : Гардарики, 2006. – 357 с.
5. Ситаров В. А., Пустовойтов В. В. Социальная экология. – М. : Академия, 2000. – 280 с.
6. Табуркин В. И., Доронина М. В. Социокультурное измерение экологического знания. // Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 3. – Ч. 2. – С. 196–199.
7. Ясвин В. А. История и психология формирования экологической культуры. – М. : Наука, 1999. – 100 с.

III. CULTURAL POLICY, MANAGEMENT AND MARKETING CULTURE

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ Г. ВЕРХНЕУДИНСКА (Г. УЛАН-УДЭ) 1881–1905 ГГ.

Д. А. Фролов

Старший научный сотрудник,
Национальный музей
Республики Бурятии, г. Улан-Удэ,
Республика Бурятия, Россия

Summary. The article considers the period of creation of the Verkhneudin library, its problems in the period from 1881 to the 20th century. Formation and increase in the number of books, attracting new readers.

Keywords: Verkhneudinsk library; City head; Nelyubov N. S.; merchants; books; subscribers; 19th century.

Национальная библиотека республики Бурятии одна из старейших библиотек Сибири. Она является центром культурной жизни города, сохраняя информацию прошлого времени, активно участвует в современной жизни горожан.

«Отцом» Верхнеудинской библиотеки является штатный смотритель Верхнеудинского Уездного училища Нелюбов Никита Сергеевич. Личность этого человека многогранна, он заботился об открытии новых школ и училищ, организовал временные педагогические курсы для приходских учителей, принимал участие в открытии Верхнеудинского общественного собрания, разработал для него устав, вёл метеорологические исследования. Одним из главного его достижения является устройство первой публичной библиотеки Верхнеудинска (в настоящее время Национальная библиотека Республики Бурятия).

В своем обращении в Министерство Народного Просвещения Никита Сергеевич, писал: «… Печальную картину представлял из себя город, из 47 тысячного бюджета, отказывающий в 250 рублях ежегодного пособия, учреждению глубоко нравственному и крайне полезному для всего городского населения...» [1]. В письме на имя Городского головы А. П. Лосева от 9 марта 1881 года он сообщал: «...Библиотечный вопрос не праздный, а насущный, необходимый, крайне важный для городской нравственности… Вопрос этот не придуман мною: сотни раз и от сотен лиц мне приходилось слышать сетования на невозможность пользоваться откуда-либо книгами для чтения».

Городская дума отказывала в положительном разрешении вопроса в связи с отсутствием помещения. Тревожась о судьбе библиотеки, зная, что отложение решения может привести к окончательной гибели, Нелюбов обращается в МНП: «Имею честь предложить, для помещения городской общественной библиотеки, до постройки вышеозначенного дома, совершенно отдельную комнату во втором этаже здания, занимаемого уездным училищем (без всякой платы). Выдавать книги в известные часы с удовольствием возьмется помощник учителя приходского училища…».

В конце концов, после долгой и упорной борьбы, усилия Нелюбова увенчались успехом. В протоколе Верхнеудинской городской думы 30 июня 1881 г. сообщалось: «Общественную библиотеку считать городскою собственностью…». Устанавливались правила относительно порядка выдачи книг и платы, указывалось, что «штатный смотритель уездного училища Н. С. Нелюбов обязан принять на себя труд (груз) устройства библиотеки и постоянное наблюдение за нею, по согласованию с городскою управою».

В связи с этим событием, в газетах 1881 г. желали успеха библиотеке. Ценя труд Нелюбова, как заведующего, советовали по возможности стараться популяризировать дело и состояние библиотеки. Делать ее доступной и всеми мерами стараться заинтересовать ею всех горожан: «тогда в симпатиях не будет недостатка, и библиотека может рассчитывать на светлое будущее».

Нелюбов Н. С. заведовал библиотекой 8 лет, благодаря его трудам и заботам, библиотека развивалась и пополнялась.

Не оставалось в стороне от благого начинания именитое купечество. «Крупную помощь оказал Верхнеудинский купец Д. А. Меньшиков, пожертвовавший свою частную библиотеку из 732 томов (439 томов сочинений разных авторов и 293 т. периодических изданий). Наследниками Верхнеудинскаго купца Лосева пожертвовано 110 т. книг, из них 74 тома периодических изданий и 36 томов преимущественно научных сочинений. Из книг, купленных за 12 р. 25 к. на аукционе у уездного училища (периодические издания за несколько десятков лет), было составлено более 200-х сборников беллетристического и научного содержания. Таким образом, при самом основании, библиотека обладала более чем тысячью томов книг разнообразного содержания…» [2].

Газета «Восточное обозрение» за 1885 год писала: «…Трудно было вначале сказать что-либо определенное о будущем этого учреждения: большинство видело в нем преждевременную затею, не имевшую под собой почвы, и потому предсказывало библиотеке если не падение, то жалкое существование; между тем время совершенно не оправдало этих ожиданий…», [3] «…библиотека пользуется полными симпатиями горожан» [4].

В 1881–1882гг число подписчиков составляло 97 человек. Однако, в последующие два года их число уменьшилось: в 1883 г. – 77 лиц, в

1884 г. – 73, которые распределялись так: мещан 30, купцов 13, чиновников 7, офицеров 5, учителей 5, телеграфистов 5, докторов 2, духовных 2, дворянин, солдат, крестьянин, и инородец [5].

В газете считали, одной из причин уменьшение числа подписчиков – плата, хотя и небольшая, но которая сильно уменьшила, возможно, самую главную группу читателей, (по III разряду) мещан, учителей и так далее.

Главной причиной являлось низкое финансовое обеспечение. Обилие книг, с одной стороны, радовало, но и создавало проблемы, что выражалось в крупном расходе на переплеты, так как большинство пожертвованных книг были без переплета. В связи с этим не хватало средств на покупку классических сочинениями русских авторов Пушкина, Л. Толстого, Писемского, Достоевского, и выписывать вновь выходящие книги. Кроме того, минимальное субсидирование городской управой, в размере 300 руб., плохое освещение и отопление, неудобное помещение библиотеки также не способствовало нормальному становлению библиотечного дела. Газета сообщала: «…. Из двух комнат, предназначенных для библиотеки, одна, самая маленькая, вся заставлена шкафами и предоставлена публике, другая, большая и просторная, занята детьми, учениками и нахлебниками прежнего распорядителя… При библиотеке имеется и читальня…. Жалованье библиотекарше ничтожное» [6].

Кроме того, низкий уровень содержания, так называемых, «сборников» не привлекало внимание читателей. Сборник составлялся из прошлогодних журналов, где серьезные статьи выбрасывались, а беллетристика компоновалась в тома. При этом составители руководствовались только форматом журнала, да отделением оригинальных статей от переводных изданий.

В газетах неоднократно критиковали работу библиотеки: «Верхнеудинская библиотека не чиновничья, не военная, не специально сословная, а городская общественная библиотека. Казалось бы, что двери ее должны были бы быть открыты не только для купцов, чиновников и интеллигенции в специальном смысле, но и для всех жителей города, для всех, кто захотел бы вкусить духовной пищи из блюда, называемого «Верхнеудиская городская общественная библиотека» …. По нашему мнению, она чисто сословное учреждение, до такой степени сословное, что зажиточным людям как бы выдается премия за их зажиточность» [7].

Самым бесправным остается 3-й разряд. «Но ведь мало брать дешевую плату (двадцать-то пять коп!). Надо иметь для этого едва нарождающегося у нас читателя подходящие книги. А бедность Верхнеудинской библиотеки книгами для народного чтения и популярными сочинениями для юношества просто поразительна. И, волей-неволей, контингент, вроде низших слоев мещан, грамотных солдат, казаков, наконец, все почти учащееся юношество остается вне круга влияния библиотеки…» [8].

С каждым годом все яростнее слова обличения: «… Библиотека только подписчиком и живет. Растет, развивается подписчик, растет и развивается библиотека, а где подписчик всеми мерами отталкивается, как у нас, там и сама библиотека является полумертвым бессодержательным учреждением» [9]. «...Все это надо понимать, над этим следовало подумать, надлежало ясно отдать себе отчет, для чего собственно учреждаются городские общественные библиотеки. Но если у администрации Верхнеудинекой библиотеки, вместо ясной цели, один только туман перед глазами, то какой можно ожидать от нее деятельности?». Но все забывали, что Общественная библиотека была городскою собственностью, и правила относительно порядка выдачи книг и платы решала она. В 1895 г. сообщалось: «Библиотека пришла в большой упадок. Много книг совсем утеряно, благодаря небрежности бывшей библиотекарши, а имеющиеся книги растрепаны и во многих листы вырваны. Городской голова в библиотеку не заглядывает, хотя и живет напротив, через улицу» [10].

Доставалось и Нелюбову. Так в речи сказанной приамурским агрономом Н.А.К., на прощальном обеде по случаю отъезда из Верхнеудинска Нелюбова Никиты Сергеевича и опубликованной в рубрике местных известий за 1894 г в газете «Забайкальских Областных ведомостей» указывалось: «Город спал (?) во всем своем захолустном величии: здесь не было ни библиотеки, никакого – либо общественного клуба, словом ничего такого, что хотя мало-мальски напоминало бы о некоторой интеллигентной общественной жизни» [11]. Тем самым автор вычеркивает все, что сделал Никита Сергеевич и главное детище его жизни – библиотека, чья роль в жизни города огромна.

Изменения начались с 1898 г., когда «городская общественная библиотека с декабря перешла в свое новое, довольно просторное, каменное помещение, переделанное из бывшей гауптвахты, и благодаря щедрому пожертвованию купца Н. И. Голдобина…» [12].

Однако проблемы продолжали существовать. В 1903 г., когда «… новый читатель явился с более развитыми потребностями, которые не замедлил и предъявить к библиотеке… Одно время составился чуть не крестовый поход; неудовольствия сыпались и устно и письменно…», [13] «Газет хотя количественно и достаточно, но в подборе их заметно сильно влияние цены, а не содержание; при том нет ни одной иностранной, а из провинциальных только сибирские. Многие книги не имеют полностью страниц, несмотря на то, что при сдаче можно уследить, когда возвращаемая книга без первых и последних листков» [14].

В 1915 г. в газетах сообщалось: «В местной библиотеке – читальне холодно и тесно. Громкие разговоры посетителей, запросто и подомашнему ведущих себя в читальне, мешают остальным сосредоточится на чтении. Входныя двери в библиотеке до сих пор не обиты качмой…» [15].

Трудные финансовые условия, нехватка специалистов – все это заставляло библиотеку не жить – выживать!

В 1905 г. был утвержден новый устав библиотеки. Во главе стал совет, председателем которого являлся Городской глава, и именно они стали нести ответственность перед городской думой за постановку дела в библиотеке и за сохранность ее имущества. 1908 год стал годом увеличения книжного фонда библиотеки до 8420 экз. Увеличилось число читателей-подписчиков, с 73 человек в 1884 г. до 167.

А впереди – 20 век со своими потрясениями, революциями, войнами, колхозами и пятилетками. Менялся мир, но оставалась библиотека – хранилище знаний и «летописи» жизни людей и страны в книгах, газетах, журналах. Трудное рождение и взросление было у библиотеки, но сколь прекрасно стало ее настоящее.

Библиографический список

1. НАРБ. ф.56. оп.1.д.543. л.7.
2. Восточное обозрение № 37 1885 (12 сентября). Стр.1-2
3. Восточное обозрение № 37 1885 (12 сентября). Стр.1-2
4. Восточное обозрение № 37 1885 (12 сентября). Стр.1-2
5. Восточное обозрение № 37 1885 (12 сентября). Стр.1-2
6. Восточное обозрение № 35 1889 (27 августа). Стр. 6.
7. Восточное обозрение. № 72. 1894 (24 июня). стр. 2.
8. Восточное обозрение. № 72. 1894 (24 июня). стр. 2.
9. Восточное обозрение. № 72. 1894 (24 июня). стр. 2.
10. Восточное обозрение. № 72. 1894 (24 июня). стр. 2.
11. Восточное обозрение № 27 1894 (4 марта) стр. 2.
12. Восточное обозрение № 09 1898 (21 января) стр. 2
13. Восточное обозрение № 76 1903 (1 апреля) стр. 2
14. Восточное обозрение № 76 1903 (1 апреля) стр. 2
15. (Забайкальская мысль № 14 1915 (30 октября). л. 3

IV. THE GAME AND GAME CULTURE, PAST AND PRESENT

ДВОРОВАЯ ИГРА КАК СОЦИАЛЬНАЯ ФОРМА ОБУЧЕНИЯ ЛИЦ С ОСОБЕННОСТЯМИ ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

М. Н. Жигальская

Учитель,
Вспомогательная школа № 24,
г. Орша, Беларусь

Summary. The article describes the experience of using yard games in training and education of persons with psychophysical development. In the practice of the school was widely spread over the Weeks yard games for children and healthy peers. Holding such weeks contributes to the successful social adaptation and integration into society of children in this category.
Keywords: children with features of psychophysical development; social adaptation and integration into society; the game; norms of behavior; social experience.

Исследуя проблему игры современного поколения детей, не следует забывать о наиболее уязвлённой их категории. Категория детей с особенностями психофизического развития более всего испытывает трудности в общении. Эмоциональное взаимодействие со средой скудно и однообразно, они часто чувствуют себя изгоями общества. Нарушение социально-коллективных связей, обусловленных наличием особенностей развития детей, создаёт предпосылки для иного подхода к выбору форм, средств и методов обучения школьников. Необходимо широкое применение социальных форм обучения, основанных на процессе непосредственного включения детей с особенностями на взаимодействие между собой, с другими здоровыми сверстниками [2].

В условиях вспомогательной школы в образовательном процессе значимыми являются не педагогические требования, а педагогическая поддержка и забота, развитие и личный рост каждого ученика. Цель деятельности педагогов нашего учреждения – реальное участия школьников в окружающей жизни, преодоления замкнутости в своем «детском» мире. Весь процесс обучения и воспитания ребенка с особенностями направлен на то, чтобы обеспечить его социальную адаптацию и интеграцию в общество, сделать её максимально успешной и благополучной.

Работая над проблемой отчужденности детей с особенностями, педагоги школы пришли к выводу, что для здоровых сверстников важно образование, а их детство однообразное и неинтересное [4]. У современных детей нет двора. Того двора, который был у нас. Не двора как места, а как способа социализации, приобретения коммуникативного опыта, общения. Как показывает практика нашей школы, ощутить себя принятым и поня-

тым среди сверстников детям с особенностями психофизического развития помогают знания и умения играть в дворовые игры. Дворовые игры удовлетворяют потребность людей в отдыхе, развлечении, познании, в развитии духовных и физических сил. Именно поэтому в практику работы школы широко вошли Недели дворовых игр под девизом: «ДЕло. ТВОрчество. РАдость» Традиционно данные недели проводятся один раз в четверть с привлечением ребят из других общеобразовательных школ. Наиболее активными участниками таких недель стали ребята из средней школы № 3 г. Орши, расположенной по соседству с нашим учреждением. В рамках подготовки к неделе дворовых игр создаётся программа, которая содержит перечень игр для соревнования, возрастной состав и количество участников, список ведущих, состав жюри, место и время проведения. В течение недели ребята знакомятся с правилами новых дворовых игр, играют, соревнуются в уже знакомые игры, а также просто общаются, приобретают новых друзей. Итоги Недели дворовых игр подводятся на торжественной линейке, где объявляются отдельные победители-рекордсмены, а также команды-победители. Важно отметить, что все участники дворовых игр награждаются грамотами и сладкими подарками, а также для всех ребят организуется большой праздник чаепития.

Общение со здоровыми сверстниками в рамках недели дворовых игр приносит каждому ребёнку нашей школы огромную пользу. Наши ученики осваивают определенные нормы поведения, которые в будущем позволят им стать равноправными членами общества. В общении с другими детьми развиваются внимание, память, воображение, мышление и речь. В процессе дворовых игр существует так называемая обратная связь, ребенок с особенностями получает информацию о том, как он оценивается товарищами. Иными словами, в играх начинает формироваться правильная самооценка, которая окажет влияние на процесс приобретения социального опыта [3]. В процессе дворовых игр ребёнок с особенностями получает именно ту поддержку со стороны педагогов и здоровых сверстников, которая необходима для стимулирования его успехов во всех видах деятельности.

Современные дети не знают, что такое «Лапта», «Вышибалы» и «Городки» [1]. Дворовым играм они предпочитают приложения и гаджеты. Научив своих учеников играть в подвижные дворовые игры – мы делаем их детство счастливее и интереснее!

Библиографический список

1. Былеева Л. В., Григорьев В. М. Игры народов СССР. – М. : Физкультура и спорт, 1985. – 269 с.
2. Лисовская Т. В. Научно-методические подходы к образовательной деятельности в условиях ЦКРОиР // Дэфекталогія. – 2007. – № 4. – С. 6–14.
3. Образовательная интеграция и социальная адаптация лиц с ограниченными возможностями / А. Н. Коноплева [и др.]; науч. ред. Т. Л. Лещинская – Минск : НИО, 2005. – 260 с.

4. Современные педагогические технологии в специальном образовании / под ред. А. М. Змушко. – Мн., 2005. – 257 с.

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИГРОВОЙ КУЛЬТУРЫ АДЫГОВ

Н. К. Куприна *Кандидат педагогических наук, доцент,*
Н. Ш. Блягоз *кандидат педагогических наук, доцент,*
А. К. Басте *кандидат педагогических наук, доцент,*
Адыгейский государственный университет,
г. Майкоп, Республика Адыгея, Россия
Р. К. Блягоз *Зам. директора по воспитательной работе, учитель истории МБОУ СОШ №1,*
а. Понежукай, Республика Адыгея, Россия

Summary. The article is devoted to the problem of identifying the educational potential of the game culture of Adiges for use in modern practice. It gives a definition of the concept of «game», grounds for the emergence of various types of games, describes the national experience of their application in practice and actualizes the need to introduce folk games in the modern educational practice of the family and educational institution.
Keywords: Adygi; upbringing; educational potential; a game; culture.

Одной из основных функций человеческого рода является воспитание подрастающего поколения, которое осуществляется с помощью различных педагогических средств и важнейшим из них выступает – игра. Игра – это средство воспитания, в котором воспитатель в качестве инструмента формирования личности воспитанника использует его свободную (игровую) деятельность в воображаемой и реальной ситуациях, направляя ее на развитие положительных качеств личности [5]. Это форма деятельности человека, которая направлена на усвоение и воссоздание общественного опыта, фиксированного в предметах науки и культуры народа.

Рассматривая воспитательный потенциал культуры адыгского народа – аборигена Северо-Западной части Кавказа необходимо отметить, что в основе их возникновения и применения лежала потребность в подготовке к защите своей Родины (народа, земель, свободы), труду земледельца, выполнению бытовых обязанностей в семье и жизни в обществе. Игра в культуре адыгов также использовалась на свадьбах, для развлечения больного, раненого, на празднованиях (начало нового года – дня весеннего равноденствия, уборки урожая и др.) и др.

Поскольку земля адыгов имела выгодное, с точки зрения политики, территориальное расположение (выход к морю и плодородные земли) ады-

гский народ находился в состоянии постоянной готовности к защите своих земель, делавшим актуальным военное воспитание молодежи. Большой потенциал в решении этого вопроса заключался в социальном институте аталычества.

Аталычество – (тюрк. аталык – отцовство) – обычай по достижении определенного возраста отдавать детей знатных родителей (князья и орки) на воспитание вассалам или слугам. Аталык – титул (букв.: «заступающий место отца»). Аталыком в адыгской культуре мог стать только тот человек, который имел богатый и достойный род, сам был воспитан и мог воспитать достойного человека. Как указывают авторы (Хан-Гирей, Хоретлев А. О., Меретуков М. А. и др.) [3] – отдавали детей на воспитание в семью аталыку по одним данным с рождения, по другим – в 7–8 лет. Аталык, обучал своего воспитанника верховой езде, владению различного рода оружием, развивал его физически, обучал обычаям и традициям адыгов, рыцарскому этикету, а также, закаливал ребенка, который впоследствии должен был переносить и голод, и холод, и физическую боль не только без стона, но и с «презрительной улыбкой на устах» [2]. Он совершал со своим воспитанником дальние переходы, обучал искусству участия в набегах и умения руководить ими. Аталык, воспитывал в своем подопечном как качества бесстрашного воина, достойного защитника Родины, так и интеллектуальные, используя очень популярные у адыгов игры в шахматы и шашки – «пхъэкIэн» (адыгейские национальные шашки). Во главу угла игры в шашки, как и в военной деятельности ставилось развитие умения проводить различные комбинации для достижения поставленной цели.

Характерными военно-прикладными играми, используемыми в воспитании являлись «сквозь строй» (кIоцIырыкI), игры в хворостины (къорэгъ, джор), пленение противника (джэнкIылыш) и другие. Основной задачей этих игр было воспитание у детей военных навыков и силу духа. Не допускалось проявление слабости, страха, бессилия. Поэтому ряд игр носил суровый характер, приучая молодежь к перенесению болевых и других неприятных ощущений. Недостаточное проявление выносливости и воли в играх наказывалось со стороны играющих. Одним из способов наказания было надавливание палками (бэщ текъуз), катание на бешеном коне (шы хьашхъурэIу). Более мягкими наказаниями служили щелчки по лбу и удары пальцами по запястью.

В отличие от княжеских детей особенностью воспитания детей крестьян, было то, что оно осуществлялось в семье родителей. Основным содержанием игр данной категории детей были естественные виды упражнений, такие как бег, ходьба, прыжки, лазания, метания, требующие проявления ряда физических качеств: быстроты, ловкости, гибкости, координации, силы, выносливости. Целью воспитания было формирование физически и нравственно здорового, владеющего оружием, верховой ездой молодого человека, которое чаще всего осуществлялось посредством игровой

деятельности – игра в мяч (1эгуао), чижик (пIай), игра в волчек (чын), прятки (къан-къан-гъэбылъ), подбрасывание шапки (пэIокIадз), гъур, хьалакъ, дыргъу (котел), чэмыжъ (старая корова), мыжъодзыныр (метание камня), тIы зэуалэ (драчливый баран), псынэ (колодец) [4] и многие другие. За не имением, настоящих реквизитов, дети в играх использовали подручный материал (камни, кости животных, хворостины, палки, кукурузные початки и др.). Вместо настоящих лошадей, участники игр сами заменяли их, поочередно становясь то всадником, то лошадью – Лормэ, Лъэс шыу («Пешие всадники»), КIыбыелъ и др.

В адыгской культуре было неприемлемо показывать боль, говорить о ней, по этой причине было продуманно использование увеселительных игр – «Цэльдау» (бьющий по губам), «Iэгушъоеу» (рукобитие), «НэтIэеу» (щелчки по лбу) и др. для отвлечения больного, раненого от болевых ощущений. Это помогало сохранить «лицо» храброго воина.

Игра была обязательным атрибутом и на свадьбе, и на любом другом празднике. В качестве таковой выступали: «Шъозэтех» (борьба за сафьян), «Быракъзэтех» (борьба за флаг), соревнования на силу, ловкость, быстроту, координацию, смекалку. Участвуя в играх молодой человек мог продемонстрировать свой уровень физической подготовки, а также интеллектуальные и нравственные качества, что становилось примером для подражания молодежи.

Игры в культуре адыгов дифференцировались и по гендерному признаку. Если содержание игр для мальчиков в основном было направленно на их физическое развитие, трудовую и военную подготовку, то девочек, в основном, готовили к выполнению трудовых обязанностей по дому, а также готовили к будущей семейной жизни. Например, в игре «Куклин дом», имитировались условия семейной жизни и различные виды работ по дому. В этой игре девочки имитировали социальные роли (роль отца, матери, сестры, брата и др.) выполняя их обязанности в семье.

Многие игры для девочек были направлены на развитие ловкости рук, развития наблюдательности и внимания, что объясняется необходимостью выполнения специфических женских работ, таких как вышивание, ткачество, изготовление циновок, шитье одежды и пр. К таким играм относится игра «Удэнэ къих» (вынь нитку), «Мышъэ нэшъу» (слепой медведь), «ПIуаблэ шIын» (циновкоплетение) и др. Поскольку, функциональные обязанности девочек ограничивались рамками семьи, то их игровая деятельность была не столь разнообразна как у мальчиков.

Касаясь вопроса игровой деятельности в трудовом воспитании детей в адыгской семье логично обратиться к высказыванию Платона, выражающего общую тенденцию, характерную для всех народов: «…кто хочет стать хорошим земледельцем или домостроителем, должен еще в играх либо обрабатывать землю, либо возводить какие-либо детские сооружения» [1]. Адыгский народ следовал, именно по этому принципу. Игра, в

практической деятельности народа служила первичной школой освоения и воспроизводства подрастающим поколением реальных трудовых ситуаций, осуществляемых взрослыми.

Таким образом, очевидно, что игра как средство воспитания адыгского народа заключает в себе необходимый потенциал для воспитания современной молодежи. Между тем, современная воспитательная практика адыгов, не уделяет достаточного внимания данному вопросу, что создает противоречие между национальной сущностью человека и современными реалиями. Это обстоятельство актуализирует проблему изучения адыгских народных игр и включение их в воспитательную практику семьи и образовательного учреждения.

Библиографический список

1. Джуринский А. Н. История зарубежной педагогики. – М. : Издательская группа «Форум»- «Инфра», 1998.
2. Мафедзев С. Х. Очерки трудового воспитания адыгов. – Нальчик, 1984.
3. Хоретлев А. О. Влияние России на просвещение в Адыгее (XIX начало XX в.). – Майкоп, 1957.
4. Чермит К. Д., Коблев Я. К., Куприна Н. К. Физические упражнения и игры адыгов. – Майкоп : Кн. изд., 1990.
5. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 82 т. – СПб., 1907.

V. POPULAR CULTURE, COUNTERCULTURE AND SUBCULTURE: GENERAL AND SPECIAL

КОРЕЙСКАЯ МАССОВАЯ КУЛЬТУРА 1960-Х И 1970-Х ГОДОВ: КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПИОНЕРЫ КОРЕЙСКОГО РОКА СИН ЧЖУНХЁН И КИМ ХОНТХАК

А. А. Груздев

Старший преподаватель,
Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток,
Приморский край, Россия

Summary. The work is dedicated to the mass musical culture of the Republic of Korea in 60–70 years of XX century. The work presents a brief excursion into the history of musical culture in the first decade after the Korean War. Particular attention is given to the two founders of the genre of Korean rock Shin Jung Hyeon and Kim Hong Thak. This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of the Korea and Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2015-OLU-2250003).

Keywords: Korean mass culture; Korean rock-music; popular music; Shin Jung Hyeon; Kim Hong Thak; Korean music-production.

После окончания Корейской войны (1950–1953 гг.) в Южную Корею стали прибывать миссионеры из США. Они привезли с собой свои христианские гимны, а также популярный в 1950-х и 60-х гг. госпел (жанр религиозного песнопения афроамериканцев южных штатов) [4, с. 17].

Что же касается популярной культуры, то первый альбом под названием «그녀 입술은 달콤해 (Ее сладкие губы)» был выпущен в 1964 году музыкальной группой «Key Boys (키 보이스)», исполняющей свои композиции в жанре G.S. (Group Sound). G.S. – это жанр рок музыки популярный с середины 1960-х гг., на который сильное влияние оказывал японский рок, японская популярная музыка 1950–1980-х гг. каёкёку, а также западная рок музыка. После этого в Корее стали появляться и другие музыкальные группы, исполняющие в этом жанре. Наиболее выделяющимся из всех коллективом того времени был коллектив «He5 (히파이브)», организованный их лидером Ким Хонтхак, исполняющий свои композиции в стиле рок. Однако же расцвет жанра G.S. начался в 1970-е годы. Главным отличием с этого момента следует считать то, что музыкальные группы, играющие в жанре G.S., стали продюсировать композиции собственного производства, чего практически не наблюдалось ранее. До этого, в абсолют-

ном большинстве случаев, производилась либо запись авторских песен исполнителей, либо запись переводов и ремейков известных западных композиций. В 1970-х годах с появлением большого числа G.S.-коллективов началась конкурентная борьба, которая оказала позитивное влияние на качество производимой ими продукции. Популярная музыка, производимая в 70-х годах, стала ориентироваться в первую очередь на молодое поколение. В первой половине 1970-х годов особой популярности достигли исполнители электронной музыки такие, как «더 멘 (The Men)» и «Нев (히식스)», исполнители в жанре «соул» (афроамериканский ритм-энд-блюз, воспринятый из традиции духовных песнопений госпел) – «데빌스 (Devils)», исполнители жанра «латинский рок» – «키 브라더스 (Key Brothers)» и другие.

Однако были и коллективы исполнителей в жанре фолк, их успех был не так велик, чаще всего они исполняли свои композиции под акустическую гитару, а слова их песен были утонченными и вызывающими определенные душевные переживания у слушателей. Такие исполнители чаще всего использовали граммофонные пластинки для записи собственных композиций. Типичными представителями корейских исполнителей в жанре фолк могут быть названы Хан Дэсу и Ким Минги. Они и многие другие исполняли авторские песни собственного сочинения. Как описывает этот период исследователь корейской популярной музыки Ким Хаксон, музыкальную культуру второй половины 70-х годов можно охарактеризовать как эпоху стиля рок и фолк [6]. Также автор, являясь современником той эпохи, отмечает, что в музыкальных кругах того времени было крайне распространено употребление психоактивных веществ, получаемых из конопли, отчего приводится термин, характеризующий музыкальную промышленность того времени – «대마초 파동», которое дословно можно перевести как «опиумная / марихуанная волна». Также в этот период проводилась кампания по модернизации корейской музыкальной сферы (가요 정화 운동 – досл. «движение по очистке песен»). С 1975 по 1976 г. в список «марихуаной волны» попало более 100 корейских музыкальных исполнителей, которым пришлось прекратить свою деятельность. Таким образом, в музыкальной сфере сложилась такая ситуация, что сочинять и исполнять композиции из «старой гвардии» стало, попросту, некому. Со второй половины 1970-х годов начала набирать силу молодежная культура, в которой исполнителями были новые лица.

С этого момента свое второе перерождение пережил жанр «трот», возникший изначально в период колониальной власти Японии над Кореей и первые образцы которого представляли собой переводы популярных западных и японских песен. В 1930-х годах этот жанр стали именовать

대중가요 (массовые популярные песни) [3, с. 51–74]. В 70-е же года этот жанр стал в основном ориентироваться на западную поп-сцену. Основными исполнителями данного жанра были непрофессиональные певцы, зачастую студенты. Это стало причиной того, что данный стиль был не настолько энергичным и популярным, как музыка начала 1970-х годов, что предрекло его быстрый закат [6, с. 46–49].

Ярким представителем рок-эстрады исследуемого периода можно назвать исполнителя Син Чжунхёна, первым массовым выступлением которого стал выход на сцену в части 8-ой Американской Армии весной 1954 г. Выступление данного исполнителя пришлось по душе американцам, после чего ему было дано прозвище «Джеки» или «Хикки». В дальнейшем Син Чжунхёна прозвали «отцом корейского рока». Первый альбом Син Чжунхёна под названием «히키–신 기타 멜로듸 경음악 선곡집» (досл. «Хики – сборник избранных легких песен, исполненных под гитару») 1963–1964 гг. Альбом состоял из знакомых слушателям мелодий детских и народных песен, исполненных под аккомпанемент гитары. Среди 8-ой Американской Армии Син Чжунхён был известен не как автор и исполнитель песен, а как талантливый гитарист.

В 1964 г. Син Чжунхён, известный под псевдонимом Хики Син, создает музыкальную группу «Add4» и выпускает новый альбом. Данная музыкальная группа, по словам исследователя корейской современной культуры М. Дж. Рассела, стала первой рок-группой в Корее, музыка которой была похожа на музыку знаменитой американской группы «The Ventures» [1, с. 142]. Этот альбом качественно отличался от предыдущего альбома, выпущенного несколько месяцев назад группой «Key Boys (키 보이스)», тем, что все песни в новом альбоме были написаны непосредственно самим Син Чжунхёном. Этот альбом включал такие композиции, как «비속의 여인 (Грубая девушка)» и «내 속을 태우는구려 (Терзая душу)», получившая позднее название «커피 한 잔 (Чашка кофе)». с конца 1960-х гг. популярные композиции Син Чжунхёна исполняли, в основном, созданные им музыкальные коллективы.

В 1967 г. G.S.-коллектив «덩키스 (Donkies)» выпустила альбом с исполнительницей Ли Чжонхва, в который входили такие песни Син Чжунхёна, как «봄비 (Весенний дождь)» и «꽃잎 (Цветочный лепесток)», а в 1969 г. переиздание данной пластинки включало так же композицию «마음 (Душа)» продолжительность более 15 минут, приобретя оттенок психоделического рока (культура хиппи 1960-х гг.). В 1968 г. композиции Син Чжунхёна «님아 (Боже)» и «커피 한 잔 (Чашка кофе)» были исполнены на

сцене музыкальным коллективом «펄 시스터즈 (Perl Sisters)», а в следующем 1969 г. композиции «님은 먼 곳에 (Король из далеких земель)» и «월남에서 돌아온 김상사 (Вернувшийся из Вьетнама сержант Ким)» были исполнены певицей Ким Чхучжа. В течение 7 следующих лет Син Чжунхён продюсировал множество музыкальных коллективов, которые характеризовались подобной ему игре на гитаре и стилем психоделического рока [1, с. 142]. В 1970 г. вышел новый альбом Син Чжунхёна «In-A-Kadda-Da-Vida».

Син Чжунхён тесно сотрудничал с исполнительницей Ким Чхучжа и воспитанной им певицей Ким Чжонми, которая, не имея высоких вокальных данных, однако, хорошо подходила для исполнения композиций в стиле психоделического рока. В 1973 г. вышло два их совместных альбома «바람 (Ветер)» и «Now», годом ранее вышла совместная с коллективом «더 멘 (The Man)» композиция «아름다운 강산 (Красивый пейзаж)» (данная композиция была написана вместо композиции, восхваляющей президента, которую Син Чжунхёна в 1972 г. попросил написать южнокорейский президент Пак Чон Хи). Они являются яркими представителями стиля психоделический рок. Одной из самых знаменитых композиций музыканта является «미인 (Красавица)», исполненная с помощью корейского традиционного музыкального инструмента каягым. Эту композицию называют «Песня, исполненная 30 миллионов раз» [6, с. 50–54].

После отказа в написании композиции, восхваляющей президента Пак Чон Хи, деятельность исполнителя стала подвергаться пристальной проверке властей, в августе 1975 г. он был арестован как попавший в список «марихуаной волны» [1, с. 142]. Многие композиции исполнителя попали под запрет властей, было запрещено их исполнять, а также сочинять новые композиции. После смерти президента Пак Чон Хи, Син Чжунхён в 1980 г. продолжил свою деятельность, выпустил несколько альбомов, и к 1990 гг. восстановил свои позиции, принимая активное участие в дискуссиях относительно популярной музыки, заслужил звание «крестного отца корейского рока». С 1980-х гг. Син Чжунхён руководил нескольким ночными клубами в Южной Корее вплоть до ухода на заслуженный отдых в 2006 г. [7]. 17 мая 2008 г. Син Чжунхён вместе с тремя своими сыновьями появился на XI ежегодном фестивале корейской музыки, проходившем в концертном зале «Голливуд-боул» (г. Лос-Анджелес, США), а в 2011 г. в США вышла запись его композиции «Beautiful Rivers And Mountains: The Psychedelic Rock Sound Of South Korea's Shin Joong Hyun 1958–74», выпущенная американской звукозаписывающей компанией «Light in the Attic Records» [2].

Другим ярким представителем корейской рок-эстрады того времени стал Ким Хонтхак. Он в отличие от Син Чжунхёна не стал «крестным отцом» корейского рока, у него не столько популярных песен, как Син Чжунхёна и не столько последователей, которых он воспитал. Этот исполнитель знаменит исполнением зарубежных популярных песен. Однако он понимал «границы» возможного копирования иностранных композиций, соблюдая особую этику. Для того чтобы создавать собственные композиции, Ким Хонтхак постоянно обучался и пробовал себя в различных музыкальных стилях, предпринимая попытки создать свой собственный стиль.

Ким Хонтхак начал свои выступления на сцене одной из частей 8-ой Американской Армии, и как и все музыкальные группы того времени, получив популярность, выпустил пластинку. Коллектив «Key Boys (키 보이스)» в составе таких исполнителей, как Чха Чжуннак, Юн Ханги, Чха Догюн и другие, со своим лидером Ким Хонтхаком в 1964 г. выпустили альбом «그녀 입술은 달콤해 (Ее сладкие губы)», который стал первым в Корее альбомом, исполненном в стиле G.S. На обложке этого альбома была надпись «한국의 비틀스 (Корейские Битлз)», мотивируя это тем, что «Key Boys (키 보이스)», как и «Битлз» в начале своей карьеры, «копировали» иностранную музыку и подражали известным исполнителям.

В 1968 г. из исполнителей коллектива «Key Boys (키 보이스)» была создана музыкальна группа «히파이브 (He5)», стиль исполнения которой практически не отличался от «Key Boys (키 보이스)»: исполнители играли знакомые всем композиции, используя для них новые аранжировки. Этому стал подтверждением их рождественский альбом «Merry Christmas 사이키데릭 사운드 (С Рождеством: психоделический звук)», в котором присутствовали психоделические обработки таких известных рождественских композиций «고요한 밤 (Тихая ночь)», «화이트 크리스마스 (Белое Рождество)» и двенадцатиминутная версия композиции «Jingle Bells».

Через два года коллектив сменил название на «히식스 (He6)» и выпустил новый альбом «He6와 함께 곡를 (Вперед с He6)», который приобрел высокую популярность. Самой знаменитой композицией в этом альбоме считается «당신은 몰라 (Ты не знаешь)» [5]. В данном коллективе Ким Хонтхак начал исполнять песни собственного сочинения. Этот психоделический альбом известен своей импровизационной манерой исполнения, где интервалы между игрой на гитаре заполнены звучанием флейты. Этот альбом является ярким представителем как корейского психоделического рока, так и корейского рока в целом. Находясь на пике популярности, Ким

Хонтхак решил переехать в США по причине начавшегося гнета со стороны властей. В 1995 г. Ким Хонтхак был приглашен в Сеульскую академию джаза для обучения молодых исполнителей, чем занимается до сих пор [6, с. 56–59].

Библиографический список

1. Russell M. J. Pop Goes Korea; Behind the Revolution in Movies, Music, and Internet Culture. – Berkeley : Stone Bridge Press, 2009. – 340 p.
2. Shin Joong Hyun. Light In The Attic Records [Electronic resource]. – URL: http://lightintheattic.net/artists/363-shin-joong-hyun (дата обращения: 20.06.2017).
3. Son, Min-Jung. Regulating and Negotiating in T'ûrot'û, a Korean Popular Song Style // Asian Music. – 2006. – № 1. – P. 51–74.
4. Домбраускене Г. Н. Музыкальное наследие протестантизма в Южной Корее: к вопросу о трансмиссии культуры в дихотомии Запада и Востока // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – № 3. – С. 12–20.
5. 김관명. '기타천재' 김홍탁 "故최헌, 역대 최고의 밴드보컬" (인터뷰). [Electronic resource]. – URL: http://entertain.naver.com/read?oid=108&aid=0002168530 (дата обращения: 20.06.2017).
6. 김학선. K-POP 세계를 홀리다 / 김학선. – 서울, 2015. – 407 쪽
7. 김회경. 록의 대부 신중현, 마지막 발길… [Electronic resource]. – URL: http://v.entertain.media.daum.net/v/20061207182111135 (дата обращения: 20.06.2017).

VI. THE REFLECTION OF THE DIFFERENT ART FORMS IN MODERN CULTURE

АНАЛИЗ СБОРНИКА РАССКАЗОВ В. О. ПЕЛЕВИНА «АНАНАСНАЯ ВОДА ДЛЯ ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ»

А. В. Воробьёва *Магистр,*
Д. А. Авдеева *бакалавр,*
Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Орёл, Россия

Summary. In this article the collection of stories of V.O. Pelevin "Pineapple water for the great lady" is considered by authors. During the analysis of separate parts and chapters of the collection conclusions are drawn on aspiration of a human essence to the evil via various mechanisms of perception of reality. The main philosophical ideas noted in the collection through which prism the author describes life problems are also considered. The Kosyachny summary, isn't pleasant to me.
Keywords: art; religion; philosophy.

Для многих критиков и экспертов в области литературы творчество Виктора Пелевина стало олицетворением современной прозы. Его называют отечественным постмодернистом, по его произведениям ставят театральные постановки на ведущих сценах нашей страны.

Творчество писателя не является чистым вымыслом, но имеет корни во многих философских культурах, религиях и учениях. Очень часто Виктор Пелевин обращается в своих сюжетах к буддийской культуре, берёт образы из оккультных наук и неоязыческих представлений о происхождении мира. Через призму рассеянного реализма, в котором нет разницы между сновидением и реальностью Пелевин раскрывает множество философских вопросов.

В 2010-ом году был опубликован новый сборник рассказов автора, в котором тема Бога, как и темы оккультизма и мистицизма вместе с человеческим восприятием добра и зла, нашли своё исчерпывающее раскрытие. Этот сборник состоит из двух частей и четырёх рассказов в каждом из которых автор раскрывает свою тему видения Бога и отношения к нему. Однако общий ключ в каждом рассказе приходит к одной единственной сути человеческого стремления к злу.

Первая часть «Боги и механизмы» посвящена проблеме превращения механизма в Бога. Обе повести в первой части написаны в стиле смешанного юмора, пародии и большого количества сатиры.

Вторая же часть сборника «Механизмы и Боги» состоит из трех рассказов, в которых речь идет о механизме богов – о том, собственно, что эти боги из себя представляют с методологической точки зрения, откуда берутся в нашем сознании и что с ними делать.

Другое направление философской мысли, раскрытое во второй части, говорит о том, что человек хоть и не является Богом в верховном смысле правления этим миром, но может отыскать в себе божественную составляющую, учитывая то, что сам он является эманацией Бога [3].

Во второй части очень ярко высмеиваются демонические темы, которые автор преподносит, как простые проявления обычных человеческих страхов, негативных эмоций и прочих негативных проявлений личности. Кроме того, автор, используя сатиру показывает абсурдность поведенческой модели некоторых индивидов, которые желают служения злу и становятся адептами некоторых тёмных оккультных учений.

Первые два рассказа «Операция «Burning Bush» и «Зенитных кодексах Аль-Эфесби» повествуют об атеизме и как ни странно его высмеивают. «Операция «Burning Bush» показывает насколько глупо человеку обожествлять механизмы. Тем не менее сегодня эта тема крайне актуальна. Общество потребления, в котором мы живём сегодня не настроено на создание чего-то кроме средств обеспечения всё большего и большего комфорта, удобства и безделия. Иллюзии, которые человек видит во снах ничто по сравнению с теми иллюзиями, которые проникли в нашу действительность и постоянно реализуются [1].

Второй рассказ вмещает в себя очень много современных образов из области робототехники. Здесь тоже затронута тема общества потребления, а именно главным предметом рассказа является американский механизм, созданный для обслуживания этого самого общества. В основе рассказа лежит научно-философская фантазия о том, как искусственный интеллект в процессе развития приобретает простые человеческие проблемы с восприятием действительности, попадая под действие пропаганды.

В первой части много мыслей о том, сколько всего фальшивого и ненастоящего в нашем повседневном быту. И что таить, читатель на минутку задумавшись понимает, что так и есть. Синтетические продукты питания необходимо сдабривать синтетическими витаминами. Ложный гуманизм приправляется такой же пустой толерантностью.

Вторую часть сборника многие критики называют “энциклопедией тёмных наук”. В этой части книги Пелевин предлагает читателю сразу три призмы восприятия зла. Бог же, будучи антиподом зла и синонимом добра, складывается в восприятии читателя естественным образом самостоятельно. Здесь задействованы и взгляды на современных неофитов, и на восточные оккультные практики, и на неоязыческий мистицизм.

В рассказе «Созерцатель тени», который является начальным для второй части сборника, писатель пытается донести до читателя, что чело-

век представляет собой тень. В свою очередь, существование последней объясняется наличием высшего света, который тоже, кстати сказать, человек. Рассказ построен на излюбленной автором буддийской философии и философии ведизма. Именно в этих культурах наша действительность представляется в качестве иллюзии, а все иллюзии являются частью действительности. Представлении тени, которую человеку необходимо вырастить в рассказе – это взгляд Пелевина на философскую мысль о том, что человек имеет доступ к двум равноценным реальностям, одна из которых находится снаружи и предполагает общение с окружающим миром и постоянное взаимодействие с ним, а другая внутри самой личности. При этом равноценность заключается в параллельной взаимосвязи, то есть если мы меняем что-то в окружающем нас мире это отражается в тот же миг на внутреннем и напротив, исправив внутреннее восприятие можно получить моментальные изменения во внешних обстоятельствах реальности [2].

Мы живём в эпоху религиозного, морального и понятийного синкретизма. У этого факта, как и у любого другого, разумеется, есть как свои негативные причины, так и позитивные следствия. И то и другое в данном рассказе рассмотрено с теистической точки зрения. Мироощущение в рассказе можно представить в виде простого символа бесконечности. Если учесть что самосознание человека находится в центре. Одна сторона символа – наше внешнее восприятие, другая внутреннее осознание, мысли и чувства. Одно плавно перетекает в другое и одно равновесно другому.

В любом и каждом явлении всегда есть n-я часть зёрен, и m-я часть плевел. Нет абсолютного зла без капли света, как и нет добра без тени. В том то и есть вся прелесть дуализма, все антонимичные понятия имеют изначально общий корень бытия.

Даже наши глаза видят мир по-разному, так как учёные окулисты доказали уникальность человеческих глаз – они ещё более индивидуальны, нежели пресловутые отпечатки пальцев. А ведь мы воспринимаем окружающий нас мир не только с помощью зрения, но и с помощью других 4-х общепризнанных чувств. И это только то, что касается восприятия мира внешней оболочкой. Но человек даже зримые предметы и явления подвергает ещё и сложнейшему внутреннему анализу. Причём все эти процессы происходят мгновенно.

Тхаги – ещё один рассказ сборника, стал самым читаемым и любимым читателями. Сюжет рассказа основан на описании тёмных оккультных ритуалах и культах тёмных богов. Суть рассказа предшествует сути всего сборника. Человек сознательно пытается втянуть себя во всё плохое. То есть каждый с рождения знает, что хорошо, а что плохо, что добро, а что зло, но построение жизненного пути в конечном итоге превращается в отчаянную борьбу с самим собой в попытке заставить сделать себя то что хорошо. Отсутствие контроля над собственным разумом хоть на миг, моментально разворачивает мыслительную деятельность в диаметрально

противоположную сторону. Человек не может сам по себе стремиться к Богу. Сами по себе мы запрограммированы исключительно на саморазрушение. Даже кислород, который мы вдыхаем разрушает наши клетки, окисляя их и, чтобы обеспечить себе качественную жизнедеятельность требуется предпринимать дополнительные усилия.

Итог стремления ко злу вполне понятен – наиболее полно служить злу можно только став его жертвой, приблизиться наиболее полно к хаосу и разрушению можно, только перестав существовать.

Заключительный рассказ сборника повествует о предсуществовании души девушки, которой ангел предлагает воплотиться в качестве дочери олигарха. После непродолжительного знакомства с обстоятельствами и разъяснений со стороны ангела, она наотрез отказывается воплотиться в этом качестве и теряет индивидуальность в праисточнике жизни. Именно в этом рассказе встречается банка с ананасной водой, давшей название сборнику.

Заключительный рассказ сборника продолжает и развивает идею «Созерцателя тени». Здесь вновь читателя ждет очередной экскурс в субъективный идеализм. В качестве основной идеи данного сборника можно извлечь желание показать читателю, что вне зависимости от того с какой точки зрения человеком воспринимается Бог, путь к себе и является той самой дорогой к Богу.

В целом сборник преисполнен философскими мыслями, но есть и кое-что большее. А именно то, что прочтение рассказов в сборнике заставляет читателя не просто усваивать прочитанное и вычленять в нем философские идеи, но прежде всего думать и прислушиваться к собственным мыслям и мироощущению.

Библиографический список

1. Наринсква А. В. Возвращение главного героя // "Ананасная вода для прекрасной дамы" Виктора Пелевина // Коммерсантъ : Газета. URL: https://www.kommersant.ru/doc/1554035 (дата обращения 05.09.2017)
2. Копылова В. Г. Открытое письмо писателю Пелевину // «Московский Комсомолец» URL: http://www.mk.ru/culture/2010/12/13/551722-otkryitoe-pismo-pisatelyu-pelevinu.html (дата обращения 28.08.2017)
3. Симкин Л. Д.. Внутреннее дело. Рецензия на роман «Ананасная вода для прекрасной дамы» // “Частный корреспондент” URL: http://www.chaskor.ru/article/vnutrennee_delo_22076 (дата обращения 02.09.2017)

ЎЗБЕК АНЪАНАЛАРИНИНГ ЗАМОНАВИЙ ЛИБОСЛАРДАГИ ЖОЗИБАСИ

Ф. З. Атаханова *Катта илмий ходим-изланувчи,*
Миллий рассомлик ва дизайн институти,
Тошкент, Ўзбекистон

Summary. The article deals with the reflection of elements of traditional national Uzbek costume in modern costume. To analyze the problems of interpretation of the components of traditional clothing in the work of both eminent and young designers from Uzbekistan.
Keywords: elements of traditional costume; fashion; design; authenticity; originality of design and fashion.

Миллий либос – бу халқнинг асрлар давомида шаклланиб жамланган бебаҳо маданий бойлиги. Ўзининг ривожланиш жараёнида узун йўл босиб ўтган миллий ва анъанавий кийимлар тарих ҳамда кийим барпо этувчиларнинг эстетик қарашлари билан зич боғлиқ. Замонавий либос санъати халқ, миллий анъаналарини инкор этиб ривожлана олмайди. Анъаналарни чуқур ўрганишсиз замонавий санъатнинг ҳар қандай тури ва жанрнинг прогрессив ривожланишининг иложи йўқ. Анъанавий миллий либос маданиятнинг нафақат ўзига хос ёрқин қисми, балки декоратив – амалий ижод турларининг синтезидир. Бу уйғунлашув ўзбек миллий либосига хос бўлган анъанавий бичим, нақш элементларин, материал ва безакларнинг қўлланилишини XX аср ўртасига қадар бизга сақлаб етказиб келган.

Либослар модаси уч ўлчамли санъат тури бўлиб, ҳеч нарса модачалик ўтмиш анъаналарини замонавий тарзда интерпретация қилиб, бундай ғояларга кўп карра мурожаат этмаган ҳамда ажойиб натижаларга эришмаган бўлса керак.

Ижодий жараён бу – замон ва макон бирлининг ютуғидир. У ёки бу ғояга шахсий ёндошув дизайнни долзарб қилиб қўяди. Этник манбани ўрганишда манба таъсирини сақлаб қолиб, бироқ уни такрорламаган дизайнга муаллифнинг тадқиқоди ва илҳоми кўчиши учун кўпроқ маданий уюшмалар миқдорини йиғиш лозим. Ахир модел анъанавий тушунчаларни бошқа қирралар орқали очиб берганда омадли ҳисобланади. Бизнинг оламимизда турли халқларнинг костюмлари тўплами, шу жумладан миллий либослар бутун дунё бўйлаб либослар дизайнерлари учун илҳомланиш манбаларидан бири саналади. Костюмлар ва унинг семантикаси билан янада яқинроқ танишиш ижод қилиш учун янада катта куч ато этиши мумкин, чунки барча костюм элементларининг гўзаллигини, чуқурлигини, кўп асрлик мантиқ ва мазмунини ҳамда кутилмаганлик ҳолатларини ўрганиб, миллий костюмларнинг ҳам айнан ушбу қирраларини намоён этгимиз келади.

Замонавий кийимлар яратилишида халқ либоси анъаналаридан қай тарзда фойдаланиш кийимнинг вазифасига ҳам боғлиқдир. Модельерларниг бу йўналишдаги ижодий фаолияти, шундай экан ижоди ҳам қатор объектив омилларга боғлиқ. Булардан бири кийим бадиий ечимини унинг утилитар функциясига боғлиқ равишда ечишдир. Анъанавий кийимлардан фарқлироқ замонавий кийимларнинг утилитар вазифаси нисбатан каттароқ вариантларда намойиш бўлади. Шу муносабат билан кийимлар образли ечими ҳар бир вариант учун, кишининг кийимни қайси вазиятда кийишига қараб алоҳида бўлиши лозим. Шунинг учун миллий элементлардан фойдаланиб либосларни лойиҳасини тузишда турли вазифадаги кийимлар учун турлича бўлишидан келиб чиқмоқ керак.

Мисол қилиб, рус модельери Н. П. Ламановaнинг ижодига мурожаат қилинса, унинг ҳам назарий, ҳам амалий фаолиятида ижодкорнинг либосдаги функционаллик ва яхлитлик тарафдори бўлганлиги маълум бўлади. Аммо унинг ижодида либоснинг образлилиги ва эмоционал таъсирчанлиги устун қўйилганлиги ҳам намоёндир. Булар асосан ранг ва орнамент орқали эришилган. Бунда анъанавий миллий рус либосларда нақш жойлаштириш принципларига риоя этиб рассом-модельер конструкция талаб қилган жойлардагина орнаментларни жойлаштирган: кўкрак ва елка қисмларида, енг ва этак учларида. Кўпинча Ламанова асл қадимий нақш турларини олиб, баъзан эса ўзи нақшларни яратиб уларни қўллаган.

Анъанавий либосларнинг асосий фазилатлари қуйидаги хусусиятларда аксарият намоён бўлади ва танилади: 1) либос турлари ва ўзига хос бичим ва шакллар; 2) либос тикиладиган мато; 3) кийимдаги ранг гаммаси; 4) либосдаги безак турлари (декор). Бошқача қилиб айтганда, маълум либосни танитадиган кўрстакичлари ҳар бир миллий либоснинг алоҳида сифатларини намоён этади.

Ўзбек миллий анъанавий либосининг асосий ўзига хосликларидан қуйидагиларни ажратса бўлади:

1) Буюмларнинг статик тўғри ёки этаги кенгайган силуэти: енг шаклининг тўғри тўртбурчаклиги;

2) Безак, детал ва тўлдирувчилардаги симметрик композицияларнинг устунлиги;

3) Аввал қўл дастгоҳида, кейин фабрикаларда тўқилган матоларнинг – атлас, адрас, беқасам, олача, бўз, духоба, кимхоб кабиларнинг қўлланилиши;

4) Кашта, жияк, бир неча қатор тикилган рангли баҳялар, контраст рангли мағизлар, мўйна, майда мунчоқлар билан безаш;

5) Контраст рангларни қўллаш ҳисобига либосда динамик композицияларга эриши;

6) Либос композициясидаги бош кийимнинг муҳимлиги [1; 2].

Бу хислатларнинг барчаси модельер-рассом учун ижодий фаолиятда асосий тамойиллар бўлиб хизмат қилиши зарур. Миллий либоснинг нафақат рационаллик, балки гўзаллик нуқтаи назаридан тақдим этадиган шакли ва бичими, силуэт ва конструктив чизиқлари каби хусусиятларига эътибор бериш керак. Ундан ташқари яна либоснинг безатилиши, ранги, нақш техникаси, материал пластикаси ҳам муҳимдир. Миллий анъанавий либоснинг айнан шу ҳусусиятлари "миллий мотив" тушунчасининг таркиби – мазмуни – маъно – моҳиятини ташкил этади.

Миллий мотивлар – бу буюмларни яратиш замонавий санъатида халқ анъаналарининг ўзгача бурчак остида тушунтирилиши.

Бугунги кунда Ўзбекистонда санъатнинг ёш йўналиши – дизайнга ва айниқса, либос дизайнига катта эътибор берилмоқда. Шу жумладан мода ривожи ҳам Мустақилликдан сўнг Ўзбекистонда сезиларли даражада ривожланди. Бир қанча модалар уйи, либос яратувчи дизайн-студиялари ўз фаолиятини кенгайтирди. Чет элдан кириб келган либосларга рақобатбардош кийим моделлари яратиш долзарб вазифа бўлиб қолди. Қадимий-миллий матодан тайёрланган либослар нафақат юртдошларимизга шу билан бирга чет эллик мода иҳлосмандларига ҳам манзур бўлмоқда. Ушбу янгиликларга интилиш ўз натижасини бермоқда.

Дизайн-студиялари фаолиятининг кенгайиши мода фестиваллари, либослар намойиши ва кўргазмалари кўпайишини тақозо эта бошлади. Шу каби намойиш, фестивал, кўргазмаларда ижодларини намойиш қилаётган либос дизайнерларининг фаолиятида миллий анъанавий либосларга, "миллий мотив"ларга "мурожаат"лар ниҳоятда кўп. Уларнинг айнан шу йўналишдаги фаолиятини таҳлил қилганда, анъанавий либос тикиш усулларига, нафақат шаклан, балки мазмун ҳам эътибор берилиши кузатилади.

Бундаги таҳлил ҳозирги кунда маълум эътирофга эришган Ўзбекистонлик ташкилот, дизайнер ва брендлардан ташқари хали бу йўналишда илк ижодий қадамларини босаётганларга ҳам эътибор қаратилди. Биринчи гуруҳдагилар қаторига "Осиё Рамзи" дизайнерлар ассоциацияси, "Шарқ либослари" дизайн-студияси; дизайнерлардан Саида Амир, Зулфия Султон, Дилдора Қосимова, Kanishka, Таисия Чурсина, Lali, Umi; ижодий гуруҳ ва брендлардан "Komo Dezign", "Uzbek Apparel", "Fratelli Casa" кабилар кирса, иккинчилар қаторига Камолиддин Беҳзод номидаги Миллий рассомлик дизайн институти битирувчилари ва талабаларини (Пахлавон Турдиев, Юлия Софоклова, Азиза Сайдиганиева, Лазиза Абдухалилова, Дилноза Эркинова, Зарина Баратова, Камила Шахобиддинова ва бошқалар), Республика рассомлик коллежи ҳамда Республика дизайн коллежи битирувчиларини киритса бўлади. Ҳар иккала гуруҳга мансуб ижодкор дизайнерларнинг фаолиятида анъанавий либосга ва либосдаги анъаналарга мурожаатлар салмоқли ўрин эгаллаганлигини кўрса бўлади. Талаба ва ўқувчилар фаолиятида бу аксарият таълим

жараёнидаги ўқув топшириқлари ва вазифалари доирасидаги ижодий лойиҳалар бўлса, номдор дизайнерлар (баъзиларининг машҳурлиги нафақат бизнинг мамлакатимизда, балки чет эл мамлакатларида ҳам тан олинган) фаолиятида анъанавий либос ижод қилишининг туганмас чашмаси эканлиги маълум бўлади.

Замонавий либосни яратишда миллий либос анъаналарини замонавий шароитларни ҳисобга олиш нуқтаи назаридан қайта идрок этиш жараёни рўй беради. Бунда дизайн нуқтаи назаридан энг қизиқарли моделларда миллий руҳ, миллий оҳанглар бўрттирилмасдан, билинар-билинмас сезилади. Бу йўналишдаги ижод намуналарининг таҳлилида қуйидагилар аниқланди:

1. Миллий матолар – атлас, адрас, шойи, беқасам, духобаларни қўллаб яратилган моделлар катта ўрин эгаллаши маълум бўлди. Бунда ушбу матоларининг анъанавий намуналари билан бир қаторда миллий оҳангдаги нақшларнинг (атласнусха, абрбанд) бошқа тоифадаги матоларга босма қилинган вариантларини қўллаш кўлами ҳам кенглиги маълум бўлди.

2. Аксарият холларда бичим ва унинг принципларини қўлланилиши. Бунда модельерлар этнографик костюмни эмас, чопон, мурсак ёки кўкракбурма кўйлаклар бичимининг мукаммалигини, уларнинг шакл ҳосил қилувчи чизиқлари ва тикилиш технологиясини (тўғри бичим, қавиқлар) қўллаган холда замонавий либосларни таклиф этмоқдалар. Айнан шу шакл ва бичимлардан келиб чиққан чуқурлаштирилган енг ўмизи ва рубашкасимон енглар (ҳиштакли ва ҳиштаксиз) оммавийлашган.

3. Декор вариантларининг қўлланилиши. Функционал маиший кийимни бадиий жихатдан мукаммал либосга айлантиришда унинг декоратив ечими хизмат қилади.

4. Замонавий либосда анъанавий либос учун характерли бўлган шакл, элементлар ва уларнинг уйғунлигини қўллаш. Масалан, ёшлар учун кийимда – анъанавий чопон ва замонавий жинси шим уйғунлиги; тадбирлар учун мўлжалланган либосда – замонавий бичимдаги либос ва анъанавий рўмоллар уйғунлиги; тантанавор либосда – замонавий костюм устидан аълобахмалдан аёллар чопонига ўхшаш қавилган ва туникасимон устки кийимнинг кийилиши ва бошқалар.

5. Либосда образлиликдан фойдаланиш. Дизайнерларнинг фольклор мавзуси билан қизиқишининг ортиб бориши замонавий жамият ривожланишида содир бўлаётган анъанавий маданиятга мурожжатлар, маданий анъаналар ва ҳунармандчиликнинг қайта тикланиши каби ўзига хос ҳодисалар сабабчидир. Бу тенденция дизайн соҳасида айниқса сезларли. Чунки дизайнда ҳамма вақт этник мотивларни қўллаш энг афзал кўрилган стилистик ечимлардан бири бўлиб келган.

Замонавий ва модабоп либослар яратувчи рассом ўзининг фаолиятида халқ либоси ёки тарихий либос шаклларидан нусха кўчириши керак эмас. Бу замонавий либоснинг этнографик либосга айланишига олиб келиши мумкин. Эски шаклларни замонавий либосда кўр-кўрона механик равишда қайта тиклаш дизайнер ишини муваффақиятсиз бўлишига олиб келади. Ўзининг даврида маълум уйғунликка эга бўлган либос бугунги ҳаёт шароитида ноўрин, бемаврид бўлиб қолиб, ўзининг жозибасини йўқотади. Дизайнернинг вазифаси либосдаги бадиийлик ва ифодалиликка ассотиатив фикрлаш йўли билан ижод манбасини ўзгартириш – трансформациялаш ҳисобига эришишдир. Дизайнер томонидан алоҳида характерли элементлар: шакл, бичим, орнамент ва унинг кийимдаги жойлашуви, безаклар олиниши мумкин.

Миллий либоснинг асосий қадри унинг ниҳоятда функционаллиги, конструкция ва шаклининг мантиқлилиги, рационаллиги ва мақсадга мувофиқлиги ҳамда шу билан бирга декор беришнинг турлича усулларини қўллаш ҳисобига ташқи кўринишнинг хилма-хиллигидадир.

Ҳалқ анаъанавий ва миллий санъатини ўрганиш ва унга ижодий қайта ёндошиш замонавий либоснинг бойиши, ривожланиши, янгиланиши учун имкон туғдиради. Шу билан бир қаторда замонавий либосдаги миллий мотивлар асосий эътиборни ўзига тортмасдан, ҳаддан ташқари таъкидланмасдан бироз танилиши ёки намоён бўлишининг ўзи ҳам кифоя.

Сақланиб келинаётган анаъаналарни чуқур ўрганмасдан эса замонавий либоснинг прогрессив ривожланиши мумкин эмас.

Мамлакатимиз музейларида сақланувчи миллий либос термалари ўзбек халқининг нозик юқори диди, фантазияси, ижодкорлиги ва маҳоратини намоён этади. Шакл ва сиймоларнинг турфа хилдалиги, композицион ечимларнинг мукаммаллиги, ранг-баранг колорит, декорнинг, айниқса қўлда бажарилган каштанинг, нафислиги ва такрорланмаслиги профессионал рассомларни ҳайратга солиб келмоқда.

Ҳозирги вақтда замонавий либосда фольклор мотивларни қўллашга ёндошиш етарлича шаклланган: уни лойиҳалашда асосий ўринни образли ечимлар эгаллайди. Этно йўналишдаги миллий либос дизайни яратишда эса қуйидагиларни эътиборга олиш лозим:

- миллий ёки анъанавий либосдан нусха кўчирмасдан, ундаги гўзаллик рухини илғаш, шакл ва пропоциялар, бичиш усули, ранглар бирикмаси ва безак бериш орасидаги балансга эътиборни кучайтириш:
- тўғридан-тўғри ўзлаштирмалардан йироқлашиб, барчага таниш образларни (масалан, атлас матоси ва абр нақшлар, бодом элементи нақш элементи, кашта элементлари, Ўрта аср миниатюрасидаги образлар) замонавий интепретациялар яратишда ғоя сифатида қўллаш;
- миллий либос ташкилий этувчиларини тўғридан тўғри берилган вазифасига мос равишда қўлламасдан уларга янгича функция бағишлаш;

- замонавий ашёларда анъанавий бичимни ҳамда аксинча, анъанавий матоларда замонавий бичимни қўллаш;
- қўлда бажарилган декор-безакларни меъйёрда ишлатилиш;
- аслидек олинган аутентик акцентларни меъйёрида қўллаш ҳамда бирлаштириб бўлмайдиган буюмларни ўзаро уйғунлаштириш.

Моддий маданиятнинг ташкилий қисми сифатида либос эстетик вазифани бажариши лозимдир. Кийимга нафақат истеъмол буюмидек, балки амалий санъат асаридек қараш керак. Бунга дунёнинг турли музейларида йиғилган тарихий ва анъанавий кийимнинг гўзал намуналарини мисол қилиб келтирса бўлади.

Либос лойиҳалаш ва уни тайёрлаш бадиий, техник ва ижтимоий масалларнинг ечимини ўз ичига олувчи комплекс, мураккаб жараёндир. Мода ва унинг ривожланиши таъсирида истеъмолчиларнинг эхтиёжини юқори даражада қондирувчи янги буюмлар яратилади. Одамларнинг кийимга бўлган эхтиёжи ортиб бориши дизайнерлар олдига бозорни нисбатан нархи арзон, янгича, хилма-хил кўринишли маҳсулот билан таъминловчи кийимларни лойиҳалашнинг янги усул ва имкониятларини топишга мажбур этади.

Санъат даражасидаги либосларни яратишда ўзбек миллий каштачилиги ижод қилиш учун манбаа дейилгани билан каштадаги гул ва рамзларнинг маъносини англамаслик, уларни либоснинг турли қисмларида бепарволик билан билиб – билмасдан қўллаш каби муаммоларни ҳал этишда ҳозирги вақтдаги ёш ижодкор дизайнерларга муҳим йўл кўрсаткич бўлади деган мақсадда кашта тикиш технологиялари, каштаналарнинг рамзий маънолари, келиб чиқиши, анъанвий қўлланилиши жиддий таҳлил этилиши лозим.

Ғоялар камдан кам ҳолатда янги бўлади: дизайнерлар теварак-атрофни ўзгартирган ҳолда ижод қиладилар. Ғоялар мўъжиза сабаб пайдо бўлмайди, улар образ, воқея-ҳодиса ҳамда тушунчалар воситаларининг систематик қайта ишланиши натижаси саналади. Либос дизайнери учун ҳар қандай нарса илҳомланиш манбаи бўлиб хизмат қилиши мумкин. Кўпинча маълум бир илҳомланиш манбаига эга бўлмаган ва ягона услубий қарорлар билан бирлашмаган тарқоқ моделлар сериясини яратишлари янги дизайнерларнинг хатоси саналади.

Бу ерда шунчаки кўр-кўрона, бемаъни бачканаликка олиб келувчи тарзда, яъни шунчаки замонавий бичимдаги либосларда миллий кашта, матоларни қўллаш ёки замонавий бичимдаги либос билан миллий шаклдаги тақинчоқларни кийиб юришни таклиф этиш эмас, балки чуқур билим, қиёслама таҳлил ва хулосалар орқали либос ансамбини яратишдаги уйғунликка эришиш лозим бўлади.

Библиографик рўйхат

1. Содиқова Н. Ўзбек миллий кийимлари XIX–XX асрлар. – Тошкент, 2003 йил.

2. Содиқова Н., Ғайбуллаева Ю. XIX–XX асрларда ўзбекларнинг миллий бош кийимлари. – Тошкент : “Шарқ” нашриёт уйи, 2014 й.

VII. INFORMATION AND COMMUNICATION SPACE AND MEDIA CULTURE

МАССМЕДИА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: ОПЫТ ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Д. Г. Кукарников *Кандидат философских наук, доцент, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия*

Summary. The article is devoted to revealing the role of mass media and their impact on the nature of the political process. Two basic approaches to the analysis of the ways of influencing the audience behavior by media are investigated. The author pays special attention to a critical examination of the philosophical and theoretical foundations of these approaches. In his opinion, the influence of mass media on public and individual consciousness is extremely large. This influence is especially significant in the formation of political settings and the behavior of voters.

Keywords: mass media; political attitudes of the audience; public opinion; mechanisms of information perception; empirical research; the two-step flow theory of communication; the concept of the "agenda"; mass communication; manipulation of public consciousness.

В современной политической науке большое значение придаётся проблеме, связанной с выявлением роли СМИ и степени их влияния на политический процесс; при этом позиции разных групп авторов довольно сильно отличаются друг от друга, а их сторонники не могут придти к общему знаменателю. Действительно, элита СМИ, как правило, оказывает воздействие на политические процессы через информационные механизмы и каналы трансляции ценностей, реализуя такие функции, как образно-эмоциональная, трансляционная, эмоционально-художественная и т. д. СМИ способны влиять, а где-то даже управлять политико-идеологическими конструктами, создавая при этом средства для манипулирования как массами, так и отдельными индивидами. Ко всему прочему, стоит добавить возможность средств массовой информации формировать определённые образы, модели поведения, стили жизни в социуме. Важную роль здесь играют стереотипы и поведенческие установки, воздействующие на механизмы социальной идентификации индивидов.

Исследование каналов воздействия средств массовой информации на людей позволяет выявить существование двух основных подходов к изучению способов воздействия СМИ на установки и поведение аудитории. Основная идея первого подхода – это принятие того, что СМИ оказывают огромное воздействие на аудиторию (в частности, могут формировать по-

литические ориентации и различные установки). Ключевой особенностью второго подхода является минимизация роли СМИ в данных процессах.

Теоретической основой первого подхода служат такие известные работы, как: «Общественное мнение» У. Липпмана и «Реальность Масс Медиа» Н. Лумана. По мнению последнего, существование общественного мнения сопряжено с наличием печатных средств информации: «Ещё до того как к концу XVIII века сформировалось достаточно чёткое понятие общественного мнения, пресса использовалась для того, чтобы вызывать общественную реакцию на амбициозные политические сообщения и тем самым предъявить властям, принимающим решения, сжимающие их тиски направленной на них публицистики и общественной реакции на эту публицистику» [2, p. 105].

Философская интуиция Никласа Лумана начинается с признания того факта, что всё, что мы знаем о мире, об обществе, мы узнаём через массмедиа. Данное полученное знание он относит не только к общественному или историческому знанию, но и к знанию о природе вещей. При этом сам Луман отмечает, что мы далеко не всегда принимаем информацию СМИ за истинную, поскольку есть предпосылки недоверия к данному источнику, которые проявляются в сопротивляемости к воздействию, когда мы подозреваем манипуляцию. Однако, при этом Луман сразу же отмечает, что данная сопротивляемость толком ничего не меняет, поскольку знания, которые уже получены из масс-медиа, сами складываются в замкнутый каркас вне зависимости от субъекта. СМИ даже не обязательно контролировать весь путь, который проделывает информация после трансляции, поскольку дальнейшие механизмы её передачи сработают автоматически. В первый раз информация проходит через телевидение, радио и т. д, а затем нет необходимости пользоваться тем же самым источником, достаточно обратиться к одному из множества её получателей. Собственно, это сразу объясняет то, что информация способна в очень короткий промежуток времени потерять свою актуальность.

В своей работе «Реальность массмедиа» Луман также провёл интересное исследование на тему преобразования информации в новости. Он выделил 10 основных новостных критериев, вот некоторые из них: 1) новизна информации, 2) предпочтение конфликтных ситуаций в разработке и подачи, 3) использование количественных уточнений для придания большей достоверности, 4) локальный контекст информации, 5) скандальность сюжета, 6) исключительность и особенность события и т.д.

К интересному выводу приходит Луман относительно вопроса о том, каким именно образом массмедиа манипулируют мнением и информацией. Он утверждает, что манипуляция представляет собой здесь не внешний эффект, а особенность самой системы, т. е. по своей сути входит во внутренний механизм системы. В целом мы можем принять данную точку зрения.

Следующим ярким представителем данного подхода является Уолтер Липпман, который, как и Луман, пришёл к идее о всесилии СМИ, убеждённый в том, что это воздействие дано непосредственно, прямо направлено и связано с некими готовыми представлениями [4, с. 147]. Да и сам Пьер Бурдье ещё в 1972 году вынес на суд общественности свой знаменитый вердикт: общественного мнения не существует [3, с. 159–178].

Рассматривая концепцию Липпмана, стоит отметить его интерпретацию неоплатонической схемы, с помощью которой он анализировал механизмы восприятия информации. В первую очередь он обращается к образу пещеры у Платона. Липпман утверждает, что человек отделён от мира псевдосредой, которая состоит из различных предрассудков, стереотипов и примитивных, заведомо упрощённых моделей. Да и рядовые граждане обычно не имеют прямого доступа к фактам, которые преобразуются в новостные события «… наше понимание существенно контролируется стереотипами … данные, имеющиеся в нашем распоряжении, фильтруются иллюзиями самозащиты, престижа, нравственности, пространства и способами выборочного исследовании, кроме уже упомянутых искажений, общественные мнения нагружены тем, что мы легко принимаем последовательность фактов или их параллельность за причинно-следственные отношения» [4, с. 31].

Собственно, между человеком и его средой находится некая псевдосреда, и поведение человека является реакцией именно на эту псевдосреду. А вот последствия этой реакции, собственно сами действия человека, происходят уже в реальной жизни. Весьма интересная точка зрения, которая, на наш взгляд, помогает лучше понять суть деятельности СМИ. По мнению Липпмана, никакая пропаганда невозможна без цензуры: «Для ведения пропаганды необходимо установить барьер между обществом и событием. Доступ к реальному событию должен быть ограничен до того, как обыватель начнёт создавать разумную и комфортную, с его точки зрения, псевдообстановку. Военная цензура – это простейшая форма барьера, но важнейшая. О её существовании известно, а потому, в какой-то степени, с ней мирятся и не принимают во внимание» [4, с. 62].

Подходя к итогу рассмотрения данного первого подхода, основная идея которого – это принятие того, что СМИ оказывают огромное воздействие на аудиторию, стоит отметить, что этот подход активно принимается современным обществом и культурой. В подтверждение этого достаточно вспомнить нашумевшую киноленту «В центре внимания», которая взяла в 2016 году множество наград и была удостоена различных премий, в том числе и Оскара (как лучший фильм). В ней наглядно демонстрируются сила и возможности СМИ, в частности в борьбе с другими крупными социальными институтами, такими, например, как церковь. Любопытно было понаблюдать за столкновением столь разных сфер влияния.

Ключевой особенностью второго подхода, как мы уже писали выше, является стремление минимизировать роль СМИ в процессах воздействия на формирование установки и поведения аудитории. Данный подход опровергает концепцию прямого воздействия СМИ на аудиторию (теория двухступенчатого потока информации). Основными представителями данного направления были: П. Лазарсфельд, Б. Берельсон, Г. Годэ, Дж. Клаппер и другие. Так, например, Пауль Лазарсфельд впервые измерил влияние, которое оказывает информация об избирательной компании, на процесс голосования во время президентских выборов в США 1940 года. Таким образом был сделан первый шаг в проведении строго эмпирического исследования роли средств массовой информации в политическом процессе. Он выяснил, что СМИ не являются единственным источником политического информирования населения, важным компонентом также является и межличностное общение.

П. Лазарсфельд установил, что политические предпочтения избирателей можно легко объяснить, принимая в расчёт их социально детерминированные характеристики, такие как: доход, статус, профессия, религиозная принадлежность и т. д. А вот сами СМИ, по мнению Лазарсфельда, изначально работают на усиление уже существующих сформированных политических установках. Концепция П. Лазарсфельда имеет, на наш взгляд, один весьма существенный недостаток – в ней отсутствует объяснение того, каким именно образом происходит выбор избирателя, если у него или вообще отсутствуют какие-либо установки, или же эти установки слабо выражены (а ведь именно в этих случаях роль средств массовой информации может существенно повышаться).

Другим крупным представителем данного подхода был Дж. Клаппер. Свои основные идеи он изложил в работе «Эффекты массовой коммуникации» [1], в которой он также выразил общие тенденции оценивания средств массовой информации как имеющих минимальное влияние на политической сцене, отводя им, скорее, роль некоего усиления уже сложившихся предпочтений, информирования о ходе предвыборной кампании. К примеру, Клаппер полагает, что очень маловероятно увидеть изменение во взгляде избирателя «левого» блока, если он вдруг посмотрит агитационную программу «правого» блока, и наоборот. Предположим, что доводы и их аргументация будут верными, однако, вскоре они забудутся, а сама политическая установка у избирателя вернётся на прежнее место. Эти механизмы избирательного просмотра, интерпретации и вспоминания были определены Дж. Клаппером как устойчивый барьер против воздействия средств массовой информации на избирателей [1, p. 37].

Собственно, всем представителям данного подхода свойственна точка зрения о том, что новости и политическая реклама не несут по своей сути новой информации о кандидатах, да и само телевидение якобы не продвигает его имидж. С этим трудно согласиться, равно как и с тем, что из-

биратель воспринимает положительную информацию только о том кандидате, которому сам отдаёт предпочтение. Иначе будет просто невозможно логично ответить на вопрос: а каким же именно образом формируются наши установки, если СМИ действуют на усиление уже сформировавшихся взглядов? Так как у избирателей тем не менее формируются некие представления о кандидатах, складывается их образ, но при этом опыт личного общения с ними у большинства отсутствует. На наш взгляд, данные установки формируются всё же с помощью СМИ посредством различного рода PR-программ.

Невозможно также обойти стороной концепцию «повестки дня», которая достаточно широко используется сегодня. Данную концепцию впервые можно обнаружить в работах У. Липпмана; основная её идея заключается в том, что средствами массовой информации при трансляции устанавливаются некие пункты повестки дня. Их цель состоит не в том, чтобы заставить людей думать определённым образом, а в том, чтобы указать, о чём думать. Таким образом, для них формируется некая дискурсивная область.

Важным аспектом в действиях СМИ является «структурирование», которое означает определённый способ подачи политических новостей. Данные эффекты структурирования зависят от контекстуальных акцентов, которые расставлены непосредственно внутри самих новостей. Эффект структурирования формируется сложным способом, в котором присутствуют отбор информации, частота её подачи, использование неких ключевых терминов и т. д. (средств для достижения данного эффекта очень много), но всё сводится к одной лишь цели – воздействовать на избирателя определённым образом в момент принятия решения. Таким образом, концепция структурирования возвращается к изначальному рассмотрению роли СМИ в политическом процессе как силы, которая манипулирует аудиторией.

Возвращаясь к двум крупным подходам относительно роли СМИ как некоего манипулятора общественным сознанием, стоит отметить фигуру Джона Цаллера, который в своей работе «Происхождение и природа общественного мнения» [подр. см.: 5, с. 60–170] подробно рассмотрел оба ключевых подхода и представил своё аргументированное видение проблемы. В основу свого исследования Цаллер положил проведённые им эмпирические исследования (президентские выборы в США и выборы на пост главы Демократической партии в 1984 году). Цаллер является одним из авторитетных сторонников возрождения концепции значительного влияния средств массовой информации в политическом процессе. Он полагает, что в области политической коммуникации предназначение СМИ как раз и состоит именно в том, чтобы формировать гражданские установки и воздействовать на публику в долгосрочной перспективе. Ключевая мысль, которую он формулирует в заключительной части своего исследования, заключается в том, что влияние СМИ на общественное и индивидуальное сознание крайне велико; особенно значимым это влияние оказывается в формировании политических

установок и поведения избирателей (и здесь мы с ним вполне солидарны). Следует отметить, что Цаллер отнюдь не принижает роль межличностной коммуникации в формировании общественного мнения, однако всё же отдаёт предпочтение средствам массовой информации.

Библиографический список

1. Klapper Joseph T. The Effects of Mass Communication. – N.Y. : Free Press, 1960. – 302 p.
2. Luhman N. The Reality of Mass Media. – N.Y. : Polity Press, 2000. – 256 p.
3. Бурдье П. Социология политики. – М. : Socio-Logos, 1993. – 336 с.
4. Липпман У. Общественное мнение. – М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
5. Цаллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения. – М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 559 с.

VIII. CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AND ISSUES OF INTERACTION OF CULTURES IN A GLOBALIZING WORLD

CULTURAL SPACE IN THE ERA OF GLOBALIZATION: REVISITING THE TRANSFORMATION PROBLEM

V. N. Goncharov

Doctor Philosophical Sciences,
professor,
North Caucasus Federal University,
Stavropol, Russia

Summary. Modern cultures feel powerful pressure from outside and they are forced to answer very versatile challenges, each of which changes or deforms them. Deep transformations of cultural space in the modern globalized world became object of studying and heated debates, however the range of opinions on their essence and orientation is still very wide.
Keywords: culture; network cultures; consciousness; person; western culture; eastern culture; civilization activity.

Strengthening of interaction and interpenetration of cultures and civilizations, homogenizing influence of western mass culture, isolationism, revival of ancient cultural and religious traditions, formation of transnational network cultures – all these diverse, including multidirectional and even resisting each other processes developing at the same timeб give the grounds for the most different estimates of the events and scenarios of the future [7, p. 123–128].

No matter how the rapprochement of cultures was strong, their codes remain so far. The West hasn't turned into the East, and the East – into the West, cultural and civilization distinctions still remain accurate. However changes in the cultural worlds are very considerable, and the result is not only the unification affecting, as a rule, certain spheres of culture, but also unprecedented strengthening of heterogeneity [6, p. 18–22]. This fact was already repeatedly noted in scientific literature, and it is more often referred to explosion of polymorphism, nonsystem excess variety, disordered set or congestions of various cultural forms, each of which defends its peculiarity and importance [9, p. 29–31].

Special attention should be paid to the fact that in the formed post-nonclassical paradigm nearly the major role is played by the idea of organic inclusiveness of the person in the natural universum marking refusal of anthropocentrism and return, at the new level, to temporarily substituted cosmocentric or antropocosmocentric attitude [16, p. 241]. Awareness of exhaustion of many values and installations inherent, first of all, in the modern western society is the cornerstone of this process: individualism and rationalism, opposition of the person

to the nature and socio-cultural to biological, the active and converting pragmatic relation to the nature, orientation to continuous unlimited growth and innovative activity [15, p. 82–89]. The paradigm of previous civilization development in general is exposed to critical reconsideration up to the ideas (in deep ecology) about need of curtailment of civilization activity itself [11, p. 396–402].

The problem of development of the cosmocentric consciousness demanding the relevant theoretical base allows much room for updating characteristic of the East, space model (archaic on genesis), in which there are three main components: person, society, nature, they are interdependent and form uniform system [8, p. 37–40]. At the same time the keen interest wakens. The appeal to not western traditions, and first of all to natural cosmocentric religions, is submitted in this situation quite natural. According to V. S. Stepin today when the mankind has faced a problem of the choice of new strategy of survival, many ideas developed in the traditional east doctrines are coordinated with the new values and world outlook meanings arising in the subsoil of technogenic culture of the XX century.

At the same time high value is got to east religious philosophical doctrines by the principles of interaction of the person and space: orientation not on redoing of the world, but on self-restriction and self-education, on enclosure in circulation of the space organism and ability to coordinate the activity with natural imperatives and rhythms [2, p. 142–145].

The worldview concept of the modern scientific paradigm is much closer to sources, than to directly previous scientific paradigm [1, p. 83–86]. Therefore the most considerable, revolutionary changes promoting really creative development are now made in science. Though extent of its rationalization and modernization in this sphere is very high, it is not about a game with separate images and motives of east philosophical and religious traditions, but it concerns attempts to create on their basis new vision of the world [14, p. 39–44]. Thanks to scientific revolution so called different is an integral part of cultural life of the West, and it is incorporated in the new scientific epistema which will define spiritual life of postmodern era.

Nowadays very deep conversion is carried out in the western culture. So far it is difficult to define what will represent result of East and West mix, eastern or after all western beginning significantly transformed, but which remains true to itself, will take the dominating positions. Formation and statement of the new worldview paradigm is not finished yet though its impact on public consciousness is already noticeable [3, p. 80–85]. In some directions of postnonclassical science installation on a dialog with east cultural traditions is declared: the transpersonal psychology, synergetrics proclaiming basic relationship of synergy thinking with Taoism and Hinduism, partly coevolution approach [10, p. 17–20]. However it must be admitted that hybrid forms, generally parascientific or pseudo-scientific character are still most actively produced by periphery, and first of all by powerful movements of the western and east spiritual

and metaphysical traditions and their synthesis with the modern quantum physics, psychology, biology and ecology is the main point of the program of formation of holistic worldview [13, p. 73–78].

It is very soon to speak about results of the dialogue of West and East which is developed beneath our eyes which has (using the words of Y. Heyzing) to be filtered into culture and to enter public consciousness [4, p. 118–124]. But it may happen that these revolutionary shifts give wide opportunities for distribution in the West of special model of hybridization in which values of east cultures will come to the forefront, that is so called different will prevail over or, at least, qualitatively transform [12, p. 282–284]. Anyway formation of a new paradigm and expansion of the sphere of its influence, most likely, will promote increase in number of hybrid forms and will play, eventually, a constructive role in difficult process of completion of the western culture: through return to basic cosmocentric cultural programs and at the same time – through their revaluation, reconsideration and development of the new forms adequate to the new historical condition of society which gave place to the transitional era and new formed subject [5, p. 139–144].

Bibliography

1. Бакланов И. С. Социокультурное и коммуникативное наполнение понятия рациональности в современной социальной философии // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2011. – № 5. – С. 83–86.
2. Бакланова О. А Методологические измерения социальности в современной социально-теоретической рефлексии // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. – 2013. – № 2. – С. 142–145.
3. Болховской А. Л., Говердовская Е. В., Ивченко А. В. Образование в глобализирующемся мире: философский взгляд // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2013. – № 5. – С. 80–85.
4. Говердовская Е. В., Добычина Н. В. Взаимные референции между реальным и виртуальным пространством: новая коммуникационная среда // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 7. – С. 118–124.
5. Деркачев Г. И., Бакланов И. С. Проблемы и истоки легитимации власти в современной России // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 9. – С. 139–144.
6. Ерохин А. М. Религиозное сознание в контексте общественных отношений // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2015. – № 2 (81). – С. 18–22.
7. Ерохин А. М. Научно-информационный аспект исследования социокультурного развития общества в области культуры и искусства // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2015. – № 2. – С. 123–128.
8. Камалова О. Н., Джиоева Д. А. Перспективы развития сенсорных технологий и проблема расширения чувственных возможностей человека // Северо-Восточный научный журнал. – 2011. – № 1. – С. 37–40.
9. Камалова О. Н. «Созерцание» в философско-культурологических построениях И. Ильина // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2012. – № 6. – С. 29–31.
10. Колосова О. Ю. Синергетические аспекты развития современного общества // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2012. – № 4. – С. 17–20.
11. Колосова О. Ю. Информация в системе управления: социальный аспект // European Social Science Journal. – 2013. – № 12-2 (39). – С. 396–402.

12. Лобейко Ю. А. Социальная активность личности в обществе: социально-педагогические аспекты формирования // European Social Science Journal. – 2014. – № 7-2 (46). – С. 282–284.
13. Лобейко Ю. А. Социально-психологические проблемы общения в контексте межличностных общественных отношений // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2015. – № 4. – С. 73–78.
14. Матяш Т. П., Несмеянов Е. Е. Православный тип культуры: идея и реальность // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2015. – № 3 (82). – С. 39–44.
15. Месхи Б. Ч., Несмеянов Е. Е. Теология или лженаука: что на самом деле разрушает отечественное образование // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 4. – С. 82–89
16. Микеева О. А. Анализ методологии и направлений исследований современной социальной реальности // Социально-гуманитарные знания. –2009. – № 9. – С. 241.

COMMUNICATION IN THE MODERN SOCIETY CONTEXT: PHILOSOPHICAL AND GLOBALIZATION ASPECT

O. Yu. Kolosova

Doctor Philosophical Sciences,
professor,
Stavropol branch of Krasnodar university
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation,
Stavropol, Russia

Summary. It should be noted that more or less deep consideration of communication as a special social phenomenon finds out that this phenomenon expresses only cursory aspect of communication and therefore it can't be carried to communication in its entirety. Communication is much more deeper a more difficult phenomenon than that takes place in mass media.
Keywords: mass communication; migration; person; society; socio-cultural communication; cross-cultural communication.

Rapid development of mass media, undoubtedly, makes escalating impact on social processes throughout the entire world [16, p. 241]. That huge and at the same time contradictory role which is played by mass communication in the modern world became the most important factor of relevance of problems of communication on the theoretical and practical level [4, p. 118–124].

Other essential factor of awareness of importance and sharpness of the problem of communication is radical pluralism of the modern world. Radicalism of modern pluralism includes not only growth of variety, but also plurality in itself [2, p. 142–145]. The main thing consists in the fact that diverse has approached to the range that everywhere it faces with each other. In other words, elements, diverse by the nature, very often are in direct physical proximity with each other, within the same point of space and time [8, p. 18–22]. Formation of radical pluralism of the present happened considerably under the influence of processes of mass migration.

In the context of communication problem the fact that migration is fait accompli and also that it can't be turned back as considerable number of migrants became an integral part of new to them environment, that is that country where they have settled, having left the historical homeland [13, p. 73–78]. Also it is very important that, having become a part of the country of their residence, migrants haven't lost those qualities which are connected with culture, mentality, traditions of their historical homeland. Therefore their communication with indigenous people isn't easy and simple process, – however, as well as for indigenous people, communication with carriers of culture, unclear and far from them [14, p. 39–44].

It is obvious that failure in communication between carriers of significantly various cultures and the mentalities living in close proximity and contact, leads to the conflicts and collisions [15, p. 82–89].

Speaking about development of communication in the context of the factor of relevance of the problem of communication, it should be remembered that the problem itself has arisen and has been created much earlier. In many aspects the problem of communication has been theoretically realized long before realities of the modern society have taken it out onto the surface of public life, have given to it special sharpness and topical character.

The philosophical interpretation of the communication concept allows to reformulate a fundamental philosophical question of conditions and possibility of life of the person and society in the form of a question of conditions and a possibility of communication and consensus [1, p. 83–86]. In this case the communication problem in the deep essence is a problem of mutual understanding between subjects: persons, cultures, societies, and, therefore, a problem of possibility of solidarity, mutual trust without which joint activity is impossible [12, p. 282–284].

It is necessary to emphasize that communication is essentially problematic. Mutual understanding within interpretation of communication doesn't assume achievement of mutual understanding of participants of communication [10, p. 37–40]. Mutual understanding is finding of community under maintaining distinctions. Therefore, it is about that degree of community which is sufficient for coordination of interests, for the organization of joint activity. Full communication assumes achievement of such degree (level) of community.

It should be noted that in reality we deal with interaction of people which caused socially and culturally. Moreover, certain individuals are participants of communication in reality act more often as representatives of this or that social community, carriers of this or that culture. Therefore it is necessary to speak about socio-cultural communication [11, p. 29–31]. Socio-cultural communication takes greatest place in a total amount of communicative processes, and it possesses the leading place in the solution of a huge set of public problems: social, political, economic and others – both at the level of the certain countries, and internationally [7, p. 139–144].

Aspects which characterize communication in general extend to a concept of socio-cultural communication: it can be full-fledged (successful) or defective (unsuccessful). At the same time space of communication is of particular importance for socio-cultural communication. Under space of communication we will understand that part of socio-cultural space which really has communicative connections [5, p. 43–46].

One of the private theories of socio-cultural communication is a theory of cross-cultural communication which has recently gained broad development. Cross-cultural communication is communication of people representing different cultures [9, p. 123–128]. In the theory of cross-cultural communication culture is understood as customs, traditions, beliefs, way of life of the certain community of people. Distinctions of cultures are defined by the fact that they are based on the different national languages.

The theory of cross-cultural communication is, first of all, a theoretical basis of translation activity (activity for the translation of information from one national language to another). It emphasizes the fact that for adequate translation foreign language skills aren't sufficient: it is necessary to understand features of other cultures in comparison with features of your own culture. Nevertheless, the value of aspects and conclusions of the theory of cross-cultural communication leaves far beyond translation activities for the translation: they, undoubtedly, have common cultural and worldview aspect [3, p. 80–85].

In the context of communication problem mutual understanding (in that sense in what it is understood in the theory of cross-cultural communication) is an important condition of mutual understanding in a broad sense – readiness for joint activity, coordination of interests, cooperation [6, p. 57–58]. To create such readiness, it is necessary to understand adequately information transferred by the partner in communication and also manage to transfer him your own information formulated in the form clear to the partner. For this purpose it is necessary to overcome difficulties of cross-cultural communication.

Bibliography

1. Бакланов И. С. Социокультурное и коммуникативное наполнение понятия рациональности в современной социальной философии // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2011. – № 5. – С. 83–86.
2. Бакланова О. А Методологические измерения социальности в современной социально-теоретической рефлексии // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. – 2013. – № 2. – С. 142–145.
3. Болховской А. Л., Говердовская Е. В., Ивченко А. В. Образование в глобализирующемся мире: философский взгляд // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2013. – № 5. – С. 80–85.
4. Говердовская Е. В., Добычина Н. В. Взаимные референции между реальным и виртуальным пространством: новая коммуникационная среда // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 7. – С. 118–124.
5. Гончаров В. Н. Концепция «информационного общества»: социально-философский анализ // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2009. – № 1. – С. 43–46.

6. Гончаров В. Н. Информационное общество: антропологический аспект // Альманах современной науки и образования. – 2009. – № 1–2. – С. 57–58.
7. Деркачев Г. И., Бакланов И. С. Проблемы и истоки легитимации власти в современной России // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 9. – С. 139–144.
8. Ерохин А. М. Религиозное сознание в контексте общественных отношений // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2015. – № 2 (81). – С. 18–22.
9. Ерохин А. М. Научно-информационный аспект исследования социокультурного развития общества в области культуры и искусства // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2015. – № 2. – С. 123–128.
10. Камалова О. Н., Джиоева Д. А. Перспективы развития сенсорных технологий и проблема расширения чувственных возможностей человека // Северо-Восточный научный журнал. – 2011. – № 1. – С. 37–40.
11. Камалова О. Н. «Созерцание» в философско-культурологических построениях И. Ильина // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2012. – № 6. – С. 29–31.
12. Лобейко Ю. А. Социальная активность личности в обществе: социально-педагогические аспекты формирования // European Social Science Journal. – 2014. – № 7-2 (46). – С. 282–284.
13. Лобейко Ю. А. Социально-психологические проблемы общения в контексте межличностных общественных отношений // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2015. – № 4. – С. 73–78.
14. Матяш Т. П., Несмеянов Е. Е. Православный тип культуры: идея и реальность // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2015. – № 3 (82). – С. 39–44.
15. Месхи Б. Ч., Несмеянов Е. Е. Теология или лженаука: что на самом деле разрушает отечественное образование // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 4. – С. 82–89.
16. Микеева О. А. Анализ методологии и направлений исследований современной социальной реальности // Социально-гуманитарные знания. –2009. – № 9. – С. 241.

ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ, КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ» В 2017 ГОДУ

Дата	Название
28–29 сентября 2017 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2017 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2017 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
12–13 октября 2017 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2017 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2017 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2017 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2017 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2017 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2017 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2017 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2017 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2017 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2017 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2017 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2017 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2017 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2017 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2017 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2017 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2017 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал **«Социосфера»**	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor, • CrossRef (США)	• Global Impact Factor – 1,687, • Scientific Indexin Services – 1,5, • Research Bible – 0,781, • Open Academic Journal Index – 0,5, • РИНЦ – 0,279.
Чешский научный журнал **«Paradigmata poznání»**	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor(Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • CrossRef (США)	• General Impact Factor – 1,7636, • Scientific Indexin Services – 1,04, • Global Impact Factor – 0,844
Чешский научный журнал **«Ekonomické trendy»**	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • General Impact Factor (Индия), • CrossRef (США)	• Scientific Indexin Services – 0,72, • General Impact Factor – 1,5402
Чешский научный журнал **«Aktuální pedagogika»**	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США)	• Scientific Indexin Services – 0,832,
Чешскийнаучныйжурнал **«Akademická psychologie»**	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США)	• Scientific Indexin Services – 0,725,
Чешский научный и практический журнал **«Sociologie člověka»**	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США)	• Scientific Indexin Services – 0,75,
Чешский научный и аналитический журнал **«Filologické vědomosti»**	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США)	• Scientific Indexin Services – 0,742,

ИЗДАТЕЛЬСКИЕУСЛУГИНИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- присвоение doi,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered
Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
or in Russia
(in the output of the publication will be registered
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- Making an artwork,
- Cover design,
- ISBN assignment,
- doi assignment,
- Print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Kama Institute of Humanitarian and Engineering Technologies
Penza State Technological University
Belarusian State Academy of Music
Tashkent Islamic University
New Bulgarian University

TRADITIONAL AND MODERN CULTURE: HISTORY, ACTUAL SITUATION, PROSPECTS

Materials of the VII international scientific conference
on September 20–21, 2017

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Podepsáno v tisku 21.09.2017.
60×84/8 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavate llistů 4,8.
100 kopií

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
Identifikačni číslo 29133947 (29.11.2012)
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420773177857,
web site: http://sociosphera.com,
e-mail: sociosfera@seznam.cz